

Колдовские страсти

Автор:

Мария Жукова-Гладкова

Колдовские страсти

Мария Жукова-Гладкова

Всем довольна Татьяна: и своим лицом, и фигурой. Правда, на ее взгляд, хорошего человека должно быть не так много, но что делать – она обожает покушать, а сесть на диету никак не хватает силы воли! Лишний вес был главной проблемой ее жизни, пока Татьяна не нашла на газоне истекающую кровью китаянку. Добрая женщина забрала девушку домой и помогла связаться с отцом, который оказался китайским мафиози, налаживающим в России свой преступный бизнес. Он щедро отблагодарил Татьяну, и на этом история бы закончилась, если бы ею не заинтересовались русские конкуренты господина Лима...

Мария Жукова-Гладкова

Колдовские страсти

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Уже перевалило за полночь, а я только возвращалась домой после уборки офиса фирмы, где директорствует муж моей ближайшей подруги Людмилы.

...Несколько лет после окончания вуза я трудилась в одном из институтов Питера. Лекций, правда, не читала, в основном вела практические занятия со студентами. В доперестроечные времена на зарабатываемые мною деньги можно было вполне прилично жить, к тому же в институтах всегда имелся какой-то приработок типа «хозтем», которые вели на каждой кафедре, предоставлялся длинный летний отпуск, что тоже можно считать большим плюсом. Но потом все рухнуло. Большинство моих бывших коллег разбежались на заработки в различные сферы деятельности, все, как одна, от науки далекие, я держалась какое-то время, потом тоже подалась на вольные хлеба, да так и не вернулась в мир образования и науки.

Людка, с которой мы познакомились в институте, теперь сидит дома с дочерьми, а ее муж, врач-гинеколог, открыл свое предприятие, пользующееся в нашем городе известностью. Я пошла к нему санитаркой, ну то есть менеджером по влажной уборке, как меня в шутку называет Людмила. В этой частной лавочке я зарабатываю больше, чем недавно преподавателем в государственном вузе, да и занята гораздо меньше. Как я понимаю, по восемь тысяч за лекцию у нас получают только политические деятели, причем, видимо, так хорошо живут, что забывают эти деньги задекларировать. Нам с Людкой, когда мы узнали про то, сколько такому господину заплатили за одно выступление (а сейчас в том вузе, где работали мы с Людмилой, при чуть ли не ежедневной занятости за год можно заработать примерно сорок восемь тысяч), стало дурно. Потом моя подружка решила написать письмо лектору с просьбой выслать хотя бы текст, чтобы мы с ним ознакомились, а еще лучше – прочитать ту самую лекцию по телевизору (пусть партия оплатит), ну или на крайний случай в каком-нибудь спортивно-концертном комплексе, чтобы все сотрудники вузов смогли послушать, за что можно получить такие деньги, и перенять опыт. А то, похоже, все мои бывшие коллеги что-то не так делают. Не на те темы лекции читают? Или они просто не политики? Не в деньгах счастье, конечно. Но это, по-моему, как-то лучше понимаешь, когда их много. У меня много не было никогда, так что я пока не осознаю смысла этого высказывания.

В общем, теперь я убираю офис Людкиного мужа. Спасибо ему большое за то, что он мне эту работу дает. У него там и приемные, и смотровые, и своя операционная. Развернулся Бояров хорошо. Молодец. Людкина сестра, Ленка, там же трудится, она тоже врач-гинеколог. В фирме только что закончился

ремонт, и на мои плечи лег разбор авгиевых конюшен, и справилась я лишь к полуночи, но хоть деньжат подзаработала: за это Бояров мне обещал премию к зарплате выдать. Петьке, сыну, как раз новые джинсы куплю. У меня всегда так: денег в руки еще не получила, но они все уже распланированы – сколько на что потрачу.

От работы домой пошла пешком: за полчаса или минут за сорок доберусь. Общественного-то транспорта у нас после двенадцати уже не дождешься, а машину ловить накладно. Тем более вечер стоял теплый, дождь не лил, белые ночи хоть и не начались пока, но народ какой-то по улицам ходил – как-никак пятница.

Шла я не торопясь, сумкой помахивала, воздухом дышала. Думала: во всем есть свои положительные моменты. Пройдусь лишний километр – не только денег сэкономлю, но и похудею. Я давно собираюсь – лет двадцать уже, если не двадцать пять. С каждого следующего понедельника. Но вообще-то я пешком часто хожу, с работы в особенности, даже в те дни, когда транспорт еще всюю ходит. А с утра, если Бояров меня призывает (что, к счастью, случается редко), на транспорте еду, потому что раньше встать не могу: я – типичная «сова». Ложусь поздно: пока чайку попью, печенюшкой закушу, потом пряничком заем, еще чайку выпью. Нет, с сегодняшнего дня начинаю пить пустой чай. Даже без сахара. Правда, сегодня пятница, то есть уже на субботу перевалило... И я сегодня физически здорово нагрузилась... И сейчас пешком иду. Пожалуй, начну-ка я худеть с понедельника. Как обычно.

Вот я уже вышла на Пражскую, дом мой показался, он стоит последним, торцом на проспект Славы выходит, еще чуть-чуть – и я дома. Анна Ивановна, наверное, уже давно мне ужин приготовила... Что-нибудь вкусненькое...

Анна Ивановна – моя бывшая свекровь. С ее сыном мы прожили два года и развелись, тогда она меня терпеть не могла и видеть не желала, да и я не особо стремилась к этому. С Колей мы вначале отношений не поддерживали, потом снова стали встречаться, Петька подрастал, а мальчишке отец нужен, общение с мужчиной, так что я Колины приходы в гости всегда приветствовала. Могу сказать, что в последние годы жизни бывший муж стал моим другом. Но в девяносто шестом Коля скорострительно умер.

Свою однокомнатную квартиру он завещал Пете, своему единственному сыну. По-моему, вполне нормальное решение вопроса. Больше из добра у Коли ничего

не имелось. Но сестра моего мужа почему-то вбила себе в голову, что Коля должен был оставить квартиру ее детям – ну или ей самой. Она проживала в огромной трехкомнатной на Васильевском острове вместе с потомством и своей и Колиной матерью. У нас тоже трехкомнатная, но «распашонка» и совсем других габаритов, на последнем этаже панельной девятиэтажки, с постоянными протечками. В период осенних дождей соседи снизу со мной тазами делятся, как я подозреваю, из корыстных побуждений – чтобы к ним через меня не потекло.

На момент Колиной смерти мы обитали в «распашонке» с мамой и сыном.

А Колина сестра сделала то, что у нормального человека в голове просто не укладывается. В один прекрасный день у нас в квартире прозвучал звонок. Я открыла. В коридорчик также вышли мама и Петя. На пороге стояли Колина сестра и моя бывшая свекровь, по морщинистым щекам которой текли слезы.

– Квартиру вам завещали? – спросила Колина сестра, не здороваясь и явно не требуя ответа. – В таком случае вот вам бабушка. Чемоданчик возьмите.

С этими словами женщина пошла вниз к лифту (он у нас между этажами), таким вот образом бросив родную мать, вынянчившую ее детей.

Мы с мамой вначале впали в состояние шока, а потом месяц откачивали Анну Ивановну. Откачали. Конечно, самой тяжелой оказалась психологическая травма. А потом моя мама упала со стула, когда меняла лампочку, и сломала шейку бедра. Я думала, что свихнусь с двумя бабулями, ухаживая сразу за обеими. Правда, я, как обычно, во всем вижу что-то положительное – за то время я похудела аж на целых семь кило, что стало моим личным рекордом. Но тут Анна Ивановна нашла в себе силы встать – и быстро пошла на поправку. Как она сама признавалась: поняла, что кому-то нужна. Через месяц мой весок вернулся в норму.

Еще через год мама умерла, а Анна Ивановна теперь относится ко мне как к родной дочери, балует пирогами и вареньями, вообще готовит она прекрасно и любит это дело. Я набрала еще несколько килограммов... Свекровь, правда, часто мне повторяет, что хорошего человека должно быть много, но я как гляну в зеркало, то думаю, что все-таки, наверное, не столько, а чуть поменьше. Ну хотя бы килограмм на пять, лучше – двадцать пять. Анна Ивановна возражает и пальцем показывает мне в зеркале мои же румяные щеки. «Не гневи Бога,

Таня», – говорит. Ну, в общем-то, в некотором роде она права... На здоровье не жалуясь и никогда не жаловалась, болезненный вид тоже никогда не имела, а народ в транспорте, если я кого задену могучим плечиком, обычно рекомендует мне пахать вместо плуга, впрягаться вместо паровоза, ну или просто забивать сваи, а не толкаться. Так что пешком я хожу и по этой причине: не может наш народ спокойно смотреть на мой цветущий вид.

В общем, живем мы теперь втроем: Петя в одном из «рукавов» нашей «распашонки», бабушка – во втором, а я в проходной комнате. Квартиру Петиного отца сдаем двум девушкам с Украины, которых мне опять-таки нашел мой шеф и муж подруги Бояров: они в его клинике – постоянные клиентки. Профессия у них специфическая, прости господи. Но девчонки вполне нормальные, им жить на что-то надо, и они, торгуя телом в Питере, на Украине свои семьи кормят. Мне платят четыреста евро в месяц (квартира полностью обставлена), а на праздники приезжают с подарками и, когда из дома возвращаются, тоже всегда везут что-нибудь вкусненькое. Знают мою слабость. Можно сказать, что мы дружим. Мне они на жизнь плачутся, я им тоже иногда, так что общаемся. А к кому они пойдут, если, не дай бог, у них в Питере что-то стряется? Мне девчонок часто жалко бывает... А они мне говорят: как нам еще денег заработать?

Так, вот и исполком (ныне именуемый Территориальным управлением, правда особой разницы – если не считать увеличение количества чиновников и никому не нужных отделов и служб – я после смены названия не заметила) по левому борту, до моей девятиэтажки отсюда рукой подать. Последнее усилие... А не подняться ли мне пешочком на мой девятый этаж? Грамм триста скину? Не есть на ночь я все равно не смогу, а вот подняться по лестнице... Пожалуй, это мне скорее по силам. Все, пойду пешком. Или, может, в понедельник? После обычной работы, а не уборки строительного мусора?

Внезапно у газона, идущего вдоль дороги и отделяющего проезжую часть от не освещенной ни одним фонарем пешеходной дорожки, по которой я шествовала в гордом одиночестве, прямо напротив входа в исполком притормозила какая-то «толстая» темно-синяя иномарка, задняя дверца открылась – и на уже покрытый травой газон с заднего сиденья выбросили... человека.

Я застыла на месте, стоя на одной ноге: вторую уже вынесла вперед, чтобы сделать следующий шаг, но поставить ее на землю не успела, впад в состояние шока. А иномарка тем временем рванула с места на большой скорости и, как я

успела заметить, завернула на проспект Славы в направлении Московского. Из номера машины я разглядела лишь последнюю цифру, 6 вроде бы, хотя на сто процентов не уверена, остальные были несколько заляпаны грязью.

Затем глазоньки мои устремились на тело, лежащее на травке. Вот придет народ завтра на работу в исполком, то есть Территориальное управление... Хотя кто придет-то? Завтра же суббота, тут же напомнила я себе, то есть уже сегодня. Вообще-то у нас милиция тут рядом. Взгляд невольно устремился направо, в сторону торгового центра, в котором и размещаются наше районное отделение и паспортный стол. Может, мне туда нестись? Правда, одна наша соседка, когда у ее мужа колеса с «Жигулей», стоящих под окнами, свинтили, туда месяц бегала, но так толку и не добились. Участкового еще поймать надо, создается такое впечатление, что в свои часы приема он обязательно выезжает по какому-нибудь делу. Соседка в конце концов плюнула, решив, что колеса им все равно не найдут, а от милиционеров за свою надоедливость можно и неприятность какую-нибудь схлопотать.

Так что нужен ли нашей милиции лишний труп? И мне – лишние проблемы? А ну как захотят быстро раскрыть убийство, а тут я – первая подозреваемая? Свидетелей нет, по внешнему виду я кому угодно шею свернуть могу одной левой, откуда милиции знать, что у меня душа добрая и я мухи не обижу? А если еще на допросы придется, как на работу, ходить? Мне это надо?

Не надо, решила я, ногу на землю опустила, по сторонам огляделась. Ни души. Кто мне алиби будет обеспечивать, если что? Ведь только же, кажется, народ был. В начале Пражской – так чуть ли не толпа, а сейчас – ни одного лица, или даже гнусной физиономии, или пьяной рожи. Ау, люди! Ну хоть бы собачник какой-нибудь, что ли, нарисовался... Так нет, как назло... Хотя, с другой стороны, если никто не видел меня поблизости...

Я сделала шаг вперед, потом еще один. Редкие машины по улице проезжали, но на валяющееся на газоне тело внимания никто не обращал и не останавливался, да и, откровенно признаться, фонарей, весьма тускло освещающих проезжую часть, на газон не очень хватает, про темную пешеходную дорожку я уже говорила, да и хозяева иномарки выбрали не самое удачное в смысле освещения место, малопригодное для рассматривания трупов припозднившимися прохожими.

Еще шагов пять – и я с мертвецом поравняюсь. Надо бы побыстрее его миновать. Хотя что он мне может сделать? Идиотка, не мертвых бояться надо, сказала я себе. Живые могут оказаться гораздо страшнее. Хорошо хоть, хозяева иномарки меня на пешеходной дорожке не углядели. Или углядели и решили: идет толстая тетка средних лет, да она сейчас припустит отсюда на третьей космической... А не пора ли мне в самом деле?..

Труп шевельнулся. Я ойкнула. Труп схватил пальцами землю, совершил поступательное движение вперед, то есть в направлении меня, опять застывшей на месте, как раз напротив него. Труп... то есть это не труп. Час от часу не легче.

Я пригляделась. Вообще зрение у меня не самое лучшее (хотя и не такое уж и плохое – минус два), в очках я по улице ходить не люблю (так как считаю свои зеленые глаза самой привлекательной частью собственного организма), надеваю только в случае необходимости. Необходимость сейчас была, но очки отсутствовали, поэтому следовало подойти поближе. Как выяснилось, к живому человеку.

Подросток какой-то, решила я, приглядевшись повнимательнее. Со своей первой точки обзора я этого не поняла. И одет как-то странно. Узкие брючки и... туника? Или как это одеяние называется?

Человек тем временем пополз дальше... В направлении меня.

«Да чего я тут стою-то как истукан? – спросила я себя. – Помочь надо! В особенности если это мальчишка. По возрасту-то, похоже, как мой Петька. Только сынок габаритами в меня пошел. Хотя для парня это нормально, может, даже и здорово».

Я рванула по газону к выкинутому из машины человеку, присела на корточки – и чуть не грохнулась на пятую точку от удивления (ну, или от того, что она из моих частей тела перевешивает).

На меня подняла глаза девушка. Или женщина – возраст на глазок я определить не смогла из-за не нашего разреза глаз. Китайка, что ли? Или вьетнамка? Или корейка? Я как-то в них не очень разбираюсь. Ну и подарочек мне на ночь глядя!

Я на нее вылупилась, она на меня тоже.

- Ты по-русски говоришь? - пролепетала я наконец.

- Да, - прошептала она, но в этот момент обмякла всем телом и рухнула лицом в траву.

Неужто померла? Это после всех моих страхов? Я быстро нащупала пульс у нее на шее - бьется. Так, надо действовать, чтобы в самом деле не окочурилась. Силушки мне не занимать, с меня бы шпалоукладчицу какому-нибудь художнику эпохи развитого социализма писать да Ленинскую премию за свой труд получить, но не нашел меня в свое время художник... Как, впрочем, и скульптор. Я сама себе, как и обычно, нашла лишние неприятности на голову. У меня талант к этому делу с самого детства.

В общем, я китаянку-корейнку, или кто она там, подхватила на руки и поволокла к себе домой. Девушка оказалась легкой, я, случалось, сумки потяжелее таскала. Например, во время двух своих вояжей в Турцию.

До места дошла, не встретив ни души, а во дворе столкнулась с двумя Петькиными друзьями, не знаю уж откуда возвращавшимися. Ребятки были слегка под хмельком, но меня признали (как можно меня не признать? Меня раз увидишь - на всю жизнь запомнишь), вылупились на ношу в моих руках и пролепетали:

- Здрасьте, тетя Таня.

- Привет, - сказала я и как ни в чем не бывало потопала дальше.

Оглянулась: парни, раскрыв рты, смотрели мне вслед. Наверное, решают: привиделась я им в пьяном ступоре или как? До белой горячки ребяткам еще далековато, но если пойдут дорогами своих отцов, то она не за горами. А если еще и акселерацию учитывать... Ладно, пусть думают что хотят. Кого хочу - того и ношу по ночам. Мужика бы, конечно, было лучше где подобрать. Но какие мои годы? Еще три - и буду ягодка опять, совсем недолго ждать осталось.

У меня последний подъезд. Последний этаж, как я уже говорила. Пешком не пошла, в понедельник точно поднимусь, не с грузом же пешком идти? Добралась на лифте, китайку-корейку к стеночке приставила, чтобы позвонить, позвонила, девушку опять подхватила. В коридоре слышались шаги Анны Ивановны.

- Иду! Иду! - она всегда так говорит. А Петька, наверное, опять в компьютер нос сунул. Ну ничего, я приду - он из Интернета в дом вернется. Компьютер Петьке подарили украинские девчонки, которые у нас квартиру снимают. С одной из них клиент старым компьютером расплатился. Она вначале думала не брать, потом про Петьку вспомнила, ему как раз на шестнадцатилетие вручила, она-то сама не представляет, с какой стороны к нему подходить. А Бояров, работодатель мой, на пару с подружкой Людкой подключение к Интернету Петьке презентовали. Дальше Петька за игрушку сам расплачивается: сынок у меня молодец, подрабатывает разносом рекламы по ящикам. На Интернет, по крайней мере, хватает. Ну и нам с бабушкой иногда что-то вкусненькое покупает.

Анна Ивановна, как и следовало ожидать, застыла в дверях с открытым ртом.

- Ты кого там еще притащила? - спросила потом, отодвигаясь в сторону, чтобы я с грузом прошла в квартиру.

- Понятия не имею, - честно призналась я. - Из машины выкинули.

- Кто? - спросила Анна Ивановна.

- Не знаю. Но не могла же я ее умирать оставить?

Анна Ивановна кивнула, входную дверь закрыла на все задвижки (хотя с нашей хлипкой дверью ни одна задвижка не спасет: кто захочет - ногой посильнее пнет - она и вылетит вместе со всеми замками, достойными секретного бункера). Как раз к нашему появлению в моей проходной комнате Петя Интернет покинул и глянул на меня, вернее, мою ношу, несколько осоловевшими глазами.

- Ой, что это с ней?! - не дала ему задать ни одного вопроса Анна Ивановна. - Таня, клади ее скорее на диван! Нет, не клади! Погоди! Ни в коем случае не клади, пока я клеенку не подстелила. А то как кровь отмывать будем?

Анна Ивановна с резвостью молодой козочки рванула к шкафу, извлекла оттуда новую клеенку, кинула на диван, а затем стала руководить моим укладыванием девушки. Только водрузив ее на свое ложе, я увидела, что низ ее туники и верх брюк пропитаны кровью.

Мы с бывшей свекровью встретились взглядами.

– Боярову своему звони, – велела Анна Ивановна. – Пожалуй, это по его части.

Бросив беглый взгляд на так и не пришедшую в себя девушку, я отправилась к телефонному аппарату в коридоре, а Анна Ивановна, как наседка, стала кружить вокруг китайки-корейки. Петя донимал бабушку вопросами, потом потрусил ко мне в коридор, чтобы допросить и меня. Но что мы могли ему сказать?

Я позвонила домой Людке. Она уже лежала, хоть и не спала, я объяснила вкратце ситуацию.

– Ты – идиотка, – простонала Людка. – На кой черт ты ее подобрала?

– Но как же? – ответила я. – Нельзя же было ее там бросить!

– А если это мафия? – спросила Людка. – Я тут недавно детектив про китайскую мафию читала, знаешь, они что выделывают? А если их мафия воюет с нашей и ты влезла в их разборки? И тебя сделают крайней? Ты о сыне подумала?

Мафия – это Людкин конек. Она смотрит всю криминальную хронику по телевизору, читает чуть ли не все криминальные репортажи, а также документальную литературу на определенные темы, так что из всех моих знакомых вопросом владеет лучше всех. Моя свекровь – самый большой специалист по латиноамериканской любви, а соседка Зойка – по магии. Так что мое окружение в состоянии меня проконсультировать по любому вопросу. Я же просто великолепно владею темой похудения (в теории), только почему-то с практикой у меня не очень.

– А у нас в Питере есть китайская мафия? – уточнила я на всякий случай у подружки. – Ты про наш город читала?

– Не помню... – задумчиво произнесла Людка. – В Москве точно есть. Значит, вполне могли и к нам переместиться. Таня, я прямо сейчас свой архивчик просмотрю и тебе сообщу.

– Мне не твой архив нужен! – рявкнула я. – Плевать я хотела на всю твою мафию, вместе взятую, как нашу, так и китайскую вкупе с корейской. Мне твой муж нужен! Дашь мужика в аренду?

– Он сегодня у Ленки, – сообщила Людмила. – Ей звони. Вернее, на его сотовый. Домашний-то могли уже выключить.

– Поняла, – сказала я, распрощалась с Людкой, пообещав сообщить ей о развитии событий, и набрала сотовый Боярова.

Поясняю ситуацию с Людкиным мужем: он – кобель любвеобильный, всегда шлялся направо и налево, а потом вдруг ни с того ни с сего положил глаз на родную Людкину сестру Ленку, с которой они много лет вместе работали, а потом создали гинекологическую клинику «Алена». Ленка-то в свое время и познакомила Людку с Бояровым. Сестрица повыпендривалась немного, но потом, наверное, решила, что деловое партнерство неплохо бы скрепить и постельным способом, так что крепко взяла Боярова за определенные части тела. Узнав об этом, Людка вначале к потолку взвивалась, если бы в доме имелась соответствующая метла, на ней бы, наверное, полетала и по квартире, и по фирме, где на пару трудились любовнички, но потом успокоилась. А теперь так даже и возрадовалась: уже третий год муж ни на одну левую бабу, кроме Ленки, не смотрел. От нее не особо-то погуляешь, тем более он на виду все время. Ленка была согласна терпеть законную жену (тем более это ее родная сестра), но другую любовницу придушила бы собственными руками. Бояров по большому счету был трусом и сердечную подругу боялся как огня. Людка решила: пусть лучше с сестрой, чем с какой-то чужой бабой, – так мужик все равно в семье остается. А Ленке он на постоянное проживание не нужен. И Людмила каждый день мужа видеть уже не хочет: готовить там ему, стирать. Так что эту заботу они делят напополам с Ленкой.

Более того, Людка забросила все эксперименты с диетами (она раньше пыталась похудеть, хотя ей до меня килограмм пятьдесят, правда, мы с ней всегда преследовали разные цели: я – получить стройную фигуру, она – сохранить стройного мужа) и теперь не тратит зря деньги, а то, помнится, она за два месяца посещения какого-то модного диетолога сбросила пятьсот баксов и один

килограмм. Я лично за пятьсот баксов (мне в карман) похудела бы на... десять кило.

В общем, теперь в семье Бояровых все довольны. Сам Бояров так больше всех. А я лично думаю: раз всех участников событий такое положение дел устраивает – так пусть на здоровье развлекаются.

Бояров был не очень рад меня слышать среди ночи. Вначале, правда, испугался: думал, что в офисе что-то случилось, но в этом плане я его успокоила и, как и Людке, вкратце поведала о водворении в мою квартиру китайки-корейки, или кто она там, и состоянии ее здоровья.

Людкин муж перешел на нецензурную лексику. Как гинеколог, он, конечно, был хорошо знаком с женскими половыми органами, но тут показал себя также и знатоком мужских, вообще человеческой анатомии и даже немного зоологии. Я его внимательно выслушала, со всем согласилась, но тем не менее напомнила, что он – врач, потом про одну известную клятву, которую он давал, надавила на совесть.

– Кто мне эту работу оплачивать будет? – гаркнул Бояров. – Ты, что ли, Танька? У меня, между прочим, не госмедицина! Я за бабки работаю! И у меня не «Скорая помощь»! Я только плановые операции делаю!

– Олег! – пролепетала я, прерывая этот поток. – Ну, а если умрет девка? У меня дома? Ты подумай, что я ведь тогда к тебе обращусь, чтобы от трупа избавиться. У меня ведь один мужик знакомый, к которому я по такому делу позвонить могу. И этот мужик – ты.

Последний мой аргумент подействовал гораздо лучше, чем напоминание про клятву Гиппократу и прочие увещевания. Бояров еще сказал в мой адрес парочку колоритнейших выражений из русского народного, но велел ждать его примерно через полчаса.

– Спасибо, Олег! – воскликнула я с чувством, в которое вложила всю силу своей широкой души, но он уже трубку повесил.

Анна Ивановна тем временем кружила вокруг девушки. Она ее успела раздеть (зачем?), выбила из холодильника кусок льда и положила китайке-корейке на

низ живота.

– А она не застудится? – спросила я. – Ведь там придатки или еще чего?

Хоть я и работаю в гинекологическом объединении, но в медицине не сильна, нас с Петей в случае какого-либо заболевания лечит Анна Ивановна, которая хорошо знает и таблетки, и травы. Правда, с подобным и моей свекрови сталкиваться не доводилось. Как я предполагаю.

– У нее кровотечение, Таня, – сказала Анна Ивановна, словно я этого сама не видела. – Я, честно говоря, не представляю, что мы в наших условиях еще можем сделать. Ты лучше еще льда попробуй отбить из морозилки. И ты, Петя! – прикрикнула на внука бабушка. – Нечего тут смотреть.

Петьку-то, как я поняла, интересовало совсем не кровотечение, а обнаженное женское тело, которое он в натуральном виде лицезрел впервые. Это я надеюсь, что впервые. Мальчик-то мой еще только на следующий год школу закончит, хотя он и довольно крупный для своих шестнадцати с половиной. Девочки у него постоянной нет, после появления в нашем доме мальчика под названием Интернет девочки вообще отошли на второй план, но от природы-то не уйдешь.

Это не вьетнамка, тем временем решила я. Те вьетнамцы, что торгуют у нас на Звездном рынке, и те, что в свое время стояли в пешеходных переходах, выглядели по-другому – и выглядели гораздо мельче. Эта же девушка, хотя и оказалась меньше средней россиянки, все-таки не миниатюрная статуэтка. Я сказала бы, что ей подойдет сорок второй размер, возможно, даже сорок четвертый. Кожа у нее была желтоватого оттенка, красивая грудь тянула примерно на наш второй номер, черные густые волосы обрамляли лицо. Стрижка показалась мне несколько нетрадиционной (или это для моего глаза?). Больше всего поразили волосы в другой части тела: там они были абсолютно прямые.

Девушку пытали: на коже остались следы побоев, круглые ожоги от сигарет (по крайней мере, мы со свекровью так решили), какие-то порезы.

Петя отправился отбивать лед, а мы встретились взглядами с Анной Ивановной.

– Похоже, мучили, потом изнасиловали, – тихо сказала свекровь.

- Похоже, – согласилась я.

Девушка в чувство так и не пришла. Но, пребывая в бессознательном состоянии, произнесла несколько слов на непонятном нам языке.

- Петя! – рявкнула бабушка. – Диктофон неси! Запишешь, чего она тут говорит.

- А кто переводить будет? – спросил Петя, но устройство все равно принес и поставил на запись.

Мы стали ждать, не скажет ли пострадавшая что-нибудь еще. Но она молчала.

- Сейчас я заряд проверю, – глянул на меня сын, – и ты диктофон с собой возьмешь. Ты же поедешь к дяде Олегу в клинику?

- Конечно, поеду, – устало вздохнула я. – Давай объясняй, на что тут у тебя нажимать надо.

К приезду Боярова я уже освоила и запись, и воспроизведение: до этого Петькиной машинки не касалась.

* * *

Бояров, как и следовало ожидать, приехал вместе с Ленкой.

- Ты опять во что-то вляпалась? – хмыкнула Людкина сестра. Я смолчала, просто пригласив обоих гостей в комнату, где на диване лежала девушка.

- М-да, – только и изрек Бояров, но не зря его клиника пользовалось успехом в городе: гинекологию свою он знал, как и Ленка.

Не откладывая дело в долгий ящик, они осмотрели девушку, посоветовались шепотом, потом объявили мне, что ее нужно немедленно доставить на операционный стол.

- Одеяло давай какое-нибудь, – велел Бояров. – Не так же ее нести.

Анна Ивановна тут же подсуетилась и сказала мне на прощание, что не ляжет, пока я не вернусь. Сынок, как я догадывалась, снова уйдет в Интернет и моего отсутствия не заметит.

А мы с Бояровым и Ленкой помчались на Ленкиной машине в клинику, благо было недалеко.

На операции я раньше не присутствовала никогда, но тут пришлось освоить еще одну профессию: не вызывать же Боярову медсестер среди ночи. Слава богу, что от вида крови я сознания никогда не теряла, но зрелище, признаюсь, было не самое приятное в моей бурной жизни. Врачом мне становиться никогда не хотелось, а про мужиков-гинекологов я вообще всегда думала: как они потом с женщинами в половые отношения вступают? Хотя, если судить по Боярову, очень даже активно: если бы не Ленкино зоркое око, еще бы и пациенток «лечил» вполне определенным способом на своем рабочем месте. Или подобная специальность, наоборот, способствует пробуждению и развитию кобелиных наклонностей? Ладно, не буду углубляться в научные дебри.

Бояров с Ленкой действовали слаженно и девушку в скором времени зашили, а также обработали ей все наружные кожные повреждения, потом Бояров перенес ее на кровать в отдельной палате, где также стоял и диванчик для родственников.

– Дежурить будешь ты, – сказал он мне.

Я кивнула и поинтересовалась, что мне конкретно делать.

– А ничего, – сказал он. – До утра не проснется. Но когда очнется, лучше, чтобы рядом кто-то был. Успокоишь. А завтра днем и я подгребу, посмотрю. Жаль, конечно, что у нас все в отпуске на время ремонта и первая смена только в понедельник выходит. Вызвать, конечно, можно, но, наверное, ни к чему. Полежит тут пару дней – и к себе ее заберешь. На понедельник у нас уже операции назначены... Значит, увезешь в воскресенье вечером. Думаю, оклемается.

– Ты что, хочешь сказать, что через двое суток уже бегать сможет? – воскликнула я.

– Бегать не сможет, но в чувство придет. У тебя дома полежит. Вы-то с бабулей, как я понимаю, такой уход обеспечите, что ни в одной больнице такого не будет. Тань, тебе бы, может, еще одного ребенка родить? Столько в тебе энергии невестребованной, я прямо поражаюсь. Ну хоть мужика заведи, что ли.

– А где его взять-то? Мои ровесники или спились, или заняты все – те, что поприличнее.

– Кто ищет – тот всегда найдет, – изрекла Ленка. – Вон она очухается, – Ленка кивнула на девушку, – ты и попроси найти себе какого-нибудь узкоглазого. В знак благодарности. Говорят, китайцы – любовники хорошие, искусство любви у них тысячелетиями изучают, потом «Камасутры» всякие пишут.

– Это Индия, а не Китай, – встрял Бояров. – Чему тебя только в школе учили?

– Этой самой «Каме» с утра и с вечера, – засмеялась Ленка.

«Вот только китайца или корейца мне не хватало для полного счастья», – тем временем подумала я. В особенности в моей «распашонке».

– Ладно, Таня, мы поехали, – сказала Ленка. – Если что – звони. Надеюсь, что все будет в порядке. Но вообще-то над ней здорово поизмывались...

Глава 2

До вечера воскресенья я жила в объединении «Алена», еду мне и девушке привозил сын. Бояров с Ленкой ее дважды осмотрели и дали добро на перевоз ко мне. Я не была уверена в том, что это стоит делать, но они категорически отказались оставлять ее у себя в клинике. С понедельника должны были поступать клиентки, которые за свое пребывание и таланты Боярова будут отстегивать немалые бабки. Но спасибо Олегу с Ленкой и за то, что они сделали.

У меня дома мы разместили больную на моем диване, а я устроилась на широком матрасе на полу. Девушка жестами стала показывать, что сама ляжет на пол, но мы втроем в ответ показали, что тверды в своем намерении разместить ее на

диване.

Девушку звали Мей Лу, и была она китайкой. По-русски она многое понимала, кое-что могла сказать сама, но по большей части мы общались на пальцах. Как я заметила, сынок на нее все время украдкой поглядывал, что для Мей Лу не осталось незамеченным. Она скромно опускала ресницы. Девушке, по ее признанию, было двадцать два года, хотя, откровенно говоря, я могла бы ей дать любой возраст от шестнадцати до тридцати, точнее определить не могла своим русским глазом.

В понедельник Мей Лу показала жестами, что хочет позвонить. К сожалению, у моего аппарата длинный провод отсутствовал, так что я помогла постоялице дойти до него и усадила на табуретку перед телефоном.

– Таня, а она не в Китай случайно звонить собирается? – ухватила меня за рукав Анна Ивановна. – Если нам потом счет придет? Кто его оплачивать будет? Ты представляешь, сколько это стоит?

Мы с Анной Ивановной стали напряженно прислушиваться к вращениям диска – аппарат у нас допотопный, но выделить средства на новый никак не получается. Мои квартирантки со смехом каждый раз обещают презентовать – в особенности, если с кем-то из них клиент телефонным аппаратом расплатится.

Мей Лу набрала номер из семи цифр.

– Уф! – выдохнули мы с Анной Ивановной. Питерские номера как раз семизначные.

Мы обе превратились в два больших уха (а сидели мы на кухне, как две мышки, хотя я, как и обычно, чувствовала себя в ней бегемотом), но, к нашему великому сожалению, понять из разговора Мей Лу с неведомым нам абонентом ничего не смогли.

– Эх, надо было языки учить, – вздохнула Анна Ивановна.

– Надо, – кивнула я и тоже вздохнула. Хотя бы английский выучить, что ли, к пенсии? Вон Петька более или менее освоил, в особенности, когда у нас

компьютер завелся. Познакомится еще с какой-нибудь девахой по своему Интернету и приведет в дом виртуальную реальность. Как она мне тогда по хозяйству помогать будет? Тоже виртуально?

Мей Лу говорила минут пятнадцать, но даже по ее голосу мы не могли разобраться в выражаемых ею эмоциях: интонации какие-то другие, отличающиеся от русских. Но мы с Анной Ивановной все равно слушали и то и дело многозначительно переглядывались. Я строила в голове различные версии, предполагаю, что бабуля наша тоже. Потом сравним. Кто эта китаянка? Откуда свалилась на наши шеи? И, главное, не нажили ли мы себе на буйные головы каких-то неприятностей, ее у себя приютив? Хотя я ведь не могла ее бросить умирать на газоне...

Затем, как мы услышали, Мей Лу положила трубку на полированную тумбочку, на которой стоял аппарат, и двинулась по стеночке в кухню. Мы с Анной Ивановной тут же вскочили ей навстречу.

– Вы, – сказала Мей Лу, на меня глядячи своими черными глазами. – Там. Папа. Позялюста. – И показала в сторону прихожей.

По-моему, «позялюста» было любимым русским словом нашей постоялицы, она заменяла им «спасибо» и ряд других.

Расспросить я ее, к сожалению, ни о чем не могла (вернее, могла, но толку-то? Как она мне отвечать будет?), так что только кивнула и проследовала к телефону.

– Алло! – сказала с некоторой робостью. Что там за папа и на каком языке он намерен со мной общаться? Кстати, мафиози своих начальников папами зовут или как-то по-другому? В смысле, при личном обращении? Про крестных отцов слышала не только моя подруга Людка, но и мы с бабулей. Тема-то весьма модная в наше время.

– Добрый день, – сказал мягкий мужской голос с небольшим акцентом. – Меня зовут господин Лим, я – отец Мей Лу.

– Здравсьте, – протянула я, немножко обалдев, в первую очередь от того, что господин Лим очень даже неплохо лопочет по-русски.

Он выяснил мое отчество, тепло поблагодарил за Мей Лу, которая, как он выразился, «ему все рассказала», и попросил разрешения приехать за дочерью, для чего хотел узнать наш адрес. Я сказала про клинику Боярова, про то, что врачи еще должны осмотреть Мей Лу и будут ко мне заезжать каждый день, так что, может, стоит пока оставить девушку у меня? Я глянула на Мей Лу, подпиравшую стенку напротив. Услышав мое предложение, Мей Лу вроде обрадовалась: в черных глазенках промелькнула радость, но потом ее лицо лишилось всякого выражения.

Мой же собеседник проявил настойчивость в своем желании со мной познакомиться.

– Татьяна Александровна, я в состоянии обеспечить своей дочери лучших врачей, не беспокойтесь. Я – богатый человек, Татьяна Александровна. Давайте я приеду к вам, и мы все обговорим лично. Я хочу вас отблагодарить.

– Да не за что меня благодарить! Я сделала то, что сделал бы любой нормальный человек! Не могла же я оставить Мей Лу на газоне!

– К сожалению, Татьяна Александровна, далеко не каждый человек поступил бы так, как вы, – проворковал китаец. – Продиктуйте мне, пожалуйста, свой адрес.

Я продиктовала. На другом конце провода повисло молчание («Его что-то удивило?»), затем господин Лим снова попросил к телефону дочь, а я, наблюдая за Мей Лу, разговаривавшей с отцом, успела заметить испуг, промелькнувший на ее лице, потом она что-то очень бойко залопотала на своем языке. Правда, она быстро взяла себя в руки и вскоре снова сунула мне трубку, раза три повторив свое «позялюста» каким-то робким тоном. Лим обещал появиться у нас минут через тридцать. На том мы и распрощались. Но чего испугалась Мей Лу?

* * *

Мы с Анной Ивановной принялись судорожно приводить квартиру в божеский вид: это у нас всегда перед приездом гостей. Петя отсутствовал – он, как я говорила, то рекламы по почтовым ящикам разносит, то еще что-то, в общем, мальчик мой деньги зарабатывает, а если не зарабатывает, то в Интернете болтается, иногда еще и в школу заглядывает. Ну хоть бы на карьер сходил! Уже

ведь загорать можно. У нас тут два неподалеку. Я лично в свои свободные дни при хорошей погоде обязательно наведываюсь, люблю я солнышко. И карьеры наши – не какие-нибудь выпендренные южные пляжи, где уже, говорят, и вход в воду платный сделали. У нас народ и в исподнем может загорать и купаться, да и мне не стыдно своими пышными телесами трясти, а на юг я бы постеснялась ехать. Или, может, стимул был бы похудеть? Если бы меня кто-то пообещал вывезти в Крым? Или, например, куда-нибудь на Средиземное море, не говоря уже о Карибском? Ладно, мне и на Ивановском карьере хорошо. По крайней мере, я тут себя комфортно чувствую. Хотя где я не чувствую себя комфортно?

Мей Лу с большим удивлением следила за нашими с бабушкой телодвижениями и пыталась что-то говорить, но мы ее все равно не понимали. Интересно, а она давно в России? И если отец так хорошо говорит на нашем языке, то он сколько тут живет?

Убрав квартиру, я глянула на себя в зеркало. В общем, ничего, если не считать лишних полсотни килограммов. А так – глаза большие зеленые, ресницы длинные, брови черные, седых волос практически нет, а если появляются – выдергиваю, но пока даже краситься не приходится. Ну а про свои румяные щечки-яблочки я уже говорила. Для китайца сойдет, решила я. Правда, живого китайца я раньше никогда не встречала и отдаленно не представляла, какие женщины им могут нравиться, но, с другой стороны, не забывала регулярно получаемые мною наставления от Анны Ивановны, Людки Бояровой и соседки Зойки – в плане того, что на каждого нового мужика надо смотреть, как на потенциального жениха. А тут мужик прямо в дом приезжает. Но китаец. Ладно, взглянем. И себя покажем.

Господин Лим приехал, как и обещал: ровно через тридцать минут. Я поразились такой точности. Китаец поклонился, мы с бабушкой тоже – не сговариваясь – и пригласили его пройти в проходную комнату, где на диване лежала Мей Лу. Правда, теперь она приняла сидячее положение. И в ее глазах снова на мгновение промелькнул испуг.

– Чаю выпьете? – спросила китайца бабушка. – Или водочки?

Господин Лим широко улыбнулся, он вообще все время улыбался, и попросил чаю. Между прочим, мог бы чего-нибудь и принести нам, подумала я. У нас в гости без подарков не ходят. Мы с подругами теперь, правда, ходим в основном с подарками продуктового плана, в частности своими вареньями и соленьями, а

Лим мог бы чего и посущественнее притащить.

Одет китаец был в строгий черный костюм, белоснежную сорочку, галстук не кричащей расцветки, черные начищенные ботинки, благоухал каким-то несколько едковатым одеколоном. Мне, честно говоря, такой нюхать никогда не доводилось. Правда, на ком мне их нюхать-то? В общем, выглядел он бизнесменом, я только поискала глазами сотовый телефон – неотъемлемую часть нашего нового русского, но не узрела, правда, потом выяснилось, что китаец тоже им экипирован, только не выставляет напоказ, как наши: у него оказалась маленькая трубочка, легко уместяющаяся в кармане пиджака. Скажу сразу, что как мужик он мне не понравился, и я для себя решила, что мне подходит только русский. Китаец хоть и растягивал губы постоянно, но мною тоже, пожалуй, не заинтересовался. Уже проще.

Только я собралась выдвинуть на середину комнаты стол, который у нас в сложенном виде стоит у окна, как господин Лим сказал, что с радостью попьет с нами чай на кухне.

– Вы ведь обычно на кухне пьете? Да?

– Неудобно как-то, – подала голос Анна Ивановна, с большим интересом китайца разглядывавшая – живого (если не считать Мей Лу, но она все-таки женского пола) она, как и я, видела впервые. – Вы у нас гость как-никак.

– Нет, нет, мы и так вас сильно побеспокоили, – заворковал дальше господин Лим. – Только на кухне. Я знаю, где русские пьют чай.

Тут мне пришла в голову мысль, и я выразила ее вслух:

– Вы хотите поговорить с Мей Лу?

– Да, если вы мне разрешите.

– Ну это ж ваша дочь, – сказала я.

Лицо китайца тут же опять изобразило широчайшую улыбку, а я подхватила бабушку, и мы дружно отправились на кухню, прикрыв для порядку дверь в

комнату, хотя, как я предполагала, Лим с Мей Лу будут говорить не по-русски, но все равно следовало показать, что я не хочу их смущать.

– Таня, а они у нас там ничего не стирают? – спросила Анна Ивановна, как только мы с ней оказались на кухне.

– А у нас там есть что тибрить? – удивленно глянула я на свекровь. – Русских классиков? «Радугу» нашу, что на ладан дышит?

– Эх, если бы китаец купил нам новый телевизор... – мечтательно протянула Анна Ивановна, проводившая много времени, вздыхая по бразильским и мексиканским кабальеро и сравнивая их с нашими алкоголиками – муж Анны Ивановны, с которым мне познакомиться не удалось, помер от белой горячки, и она до сих пор вспоминала, как он бегал за чертенятами, почему-то размножившимися у него на глазах способом почкования, о чем он шепотом рассказывал жене и даже показывал пальцем на идущий в углу процесс, его комментируя в деталях.

Потом взгляд Анны Ивановны упал на наш старенький «Минск» (но, отдать ему должное, работает уже двадцать пять лет – умели же люди делать в свое время!), она вздохнула, вспомнила холодильник из рекламы, потом еще вспомнила морозильник, который нам был бы нужнее – у Анны Ивановны давно зрела идея замораживания грибов и ягод на зиму. Правда, я с этой идеей отчаянно боролась, так как ягоды и грибы в нашем доме приходится собирать мне, а для морозильника пришлось бы их собирать в гораздо большем количестве, потому что уж если забивать его – то под завязку, в соответствии с понятиями Анны Ивановны о запасах на зиму.

А я – раз уж мы мечтаем – сказала, что давно хочу микроволновую печь.

– Это вредно, – заметила Анна Ивановна и процитировала какую-то передачу, которую смотрела по телевизору на днях. – Вот если бы печку японскую, там специалист так хорошо объяснял...

И Анна Ивановна пошла рассказывать про то, чем та японская печка отличается от традиционной микроволновки и почему приготовленные в ней продукты полезнее. О вреде микроволновых печей, как я поняла, Анна Ивановна узнала из рекламы японских печек, производители которых являются конкурентами

производителей традиционных микроволновок. Интересно бы послушать мнение последних о первых, тоже, наверное, нашли бы много вредного у соперников.

- Что мы делим шкуру неубитого медведя? – посмотрела я на Анну Ивановну.

- Но если китаец сказал, что он богатый человек...

- Неудобно как-то его просить...

- В общем, так, Таня, – твердо сказала бабушка. – Если спросит, чего нам нужно, ты не стесняйся. Все равно мы этого китайца больше не увидим, нам ему в глаза не смотреть. А не попросишь – не дадут. Все называй. Мы все возьмем, что даст. Можно деньгами. На черный день отложим.

На черный день у нас, правда, было отложено две тысячи триста шестьдесят два доллара, часть которых лежала на антресолях в кухне, часть – в стенном шкафу у входной двери, а часть – на лоджии, но это другой вопрос. Это на черный день. И это – неприкосновенные баксы. Я, кстати, давно жду, что американскую столицу перенесут в один из российских городов – когда количество долларов в России превысит их количество во всем остальном мире. Америку-то, как я понимаю, мы уже переплюнули.

Китаец нарисовался у нас в кухне примерно через полчаса, опять кланялся, потом уселся на Петино место и с широчайшей улыбкой на нас уставился.

Чай мы пили долго и говорили много. В основном, правда, говорил китаец, рассказал, что учился в России, потом вернулся в Китай, но несколько лет назад снова приехал к нам делать бизнес. Какой – не уточнил. Так тут и остался. Китаец повосторгался Россией и нашими людьми, мной в частности, расспросил нас с Анной Ивановной о жизни нашей семьи и об отношениях с соседями, которыми почему-то особенно заинтересовался (это меня откровенно удивило), потом сказал, что в самое ближайшее время пригласит нас с бабушкой к себе в гости отведать настоящей китайской кухни. Бабушка наступила мне под столом на ногу. Я точно знала, что она думает: нам не китайской еды надо, нам бы чего более существенное, например то, в чем эту еду готовят или хранят. А я, раз уж мы заговорили о китайской еде, решила задать гостю волновавший нашу семью вопрос.

Не так давно в одной из палаток купила китайскую «пятивкусовую лапшу». Мы всей семьей гадали, какой такой пятый вкус просекли китайцы, потому что вроде бы раньше язык всех нормальных людей различал четыре основных – кислый, сладкий, горький и соленый. Я попросила господина Лима мне это объяснить.

Он опять заулыбался, но дать вразумительный ответ не смог и плавно перевел разговор в другое русло, в частности, выяснил адрес клиники Боярова, сказал, что сам с ним договорится о лечении Мей Лу, а потом спросил у меня, где я работаю и на что живу. Я честно ответила. Бабушка тут же вставила несколько фраз про наше бедственное положение, кося на холодильник. Правда, сидя на нашей кухне и любуясь следами многочисленных протечек (как, впрочем, он мог любоваться ими и в комнате), китаец, наверное, и так понял, что попал не к Крезу.

Напившись чаю (а вылакал он, наверное, целый литр), китаец сказал, что прямо сейчас забирает с собой Мей Лу – у него внизу ждет машина с шофером, господин Лим нам будет вечно благодарен, и сейчас за ним поднимется его телохранитель с небольшим подарком для нас.

Не успел Лим закончить фразу, как в дверь позвонили. Я отправилась открывать, бабушка с гостем последовали за мной. На пороге стояли два молодых плечистых китайца (им бы в боевиках про ниндзя сниматься – или там японцы?), которые держали в руках огромную коробку. Мы с бабушкой обалдели: на кухне-то мы просто трепались, никак не ожидая, что в самом деле нам что-то обломится, и, наверное, так бы и не попросили китайца ни о чем. Хочу также отметить, что два новых гостя были настолько похожи (на мой взгляд), что найти десять отличий, как иногда предлагают в журналах, я не смогла бы и под дулом пистолета.

Лим нам поклонился, двое его подчиненных проследовали в большую комнату и установили там огромный «Панасоник».

– Мей Лу сказала, что у вас краски плохие, – улыбался господин Лим, – она же вчера видела, когда вы смотрели. А я знаю, что русские женщины любят смотреть телевизор. Примите этот скромный подарок в знак моей благодарности за спасение Мей Лу. От меня и от Мей Лу.

Тут уже поклонились все три китайца, да и Мей Лу попыталась подняться с дивана и изобразить поклон. Мы с бабушкой замахали на нее руками, предлагая снова лечь. Но один из подчиненных Лима подхватил Мей Лу на руки, они все снова нам поклонились и квартиру покинули.

Мы с бабушкой припали к окнам. Перед нашим парадным стояла какая-то огромная машина, куда все китайцы и загрузились.

Бабушка отправилась смотреть новый телевизор, а я стала готовиться к отбытию на работу: мне вскоре у Боярова убираться.

Глава 3

Когда вернулась домой ближе к ночи, Анна Ивановна тут же сообщила:

– Зойка заходила. Просила, как только ты появишься, к ней заглянуть. Давай ее лучше к нам позовем. Чаю поьем вместе.

Зойка – это наша соседка, личность весьма колоритная. Да, в принципе, у нас все соседи достойны пера какого-нибудь писателя-сатирика, Задорнова бы к нам на лестничную площадку как-нибудь пригласить, он бы тут почерпнул материал на пару концертов.

В настоящее время Зойка проживает на пару с тридцатилетним сыном от ее первого мужа. Вообще у Зойки мужей было три, все гражданские и все особо опасные рецидивисты. Появлялись они у нее по очереди: один сядет, другой выйдет. Как-то так выходило, что по два на свободе не оказывались никогда. Ее сын Ленька тоже провел часть молодых лет в местах не столь отдаленных, а потом понял, что на воле ему нравится гораздо больше, тем более валютная статья, за которую он парился на нарах, приказала долго жить. За тунеядство теперь тоже никого не сажают, да и тунеядцем в прямом смысле этого слова Леньку назвать нельзя. Вот прохиндеем – другое дело.

В общем, у Леньки возникла идея организовать (или создать, не знаю уж, какое слово лучше употребить) салон магии. Идея зародилась, пока он глядел на

родную мамашу или сидел на унитазе с серией бесплатных газеток, кидаемых нам в почтовые ящики, в каждой из которых колдуны, экстрасенсы и знахари себя активно рекламируют.

Признаюсь, что, читая рекламные объявления типа «Исцеление от душевных и телесных страданий. Похудение, коррекция отдельных участков тела, увеличение бюста (также по фото)», я сама неоднократно думала открыть некую подобную контору и рассказывать приходящему народу (ведь кто-то же ходит, раз они себя постоянно рекламируют?) то, что почерпнула из многочисленных источников, вещающих о похудении.

«А мы с мамой чем хуже?» – задал себе вопрос Ленька и ответил, что ничем, а, возможно, даже и лучше. Главное: чакру от кармы отличать и рассуждать о них с умным видом. Да и мать, сколько Ленька себя помнил, всегда гадала на картах. Гадала здорово, должна я признать. Сама раньше не верила, а потом, когда Зойкины предсказания сбываться начинали... В общем, даже как-то не по себе становилось. Экспериментировать со своей судьбой я перестала, хотя с меня Зойка денег никогда не брала, просто говорила, что надо положить какую-то монетку. Однако больше мне не хотелось знать будущее...

Но от клиенток у Зойки с Ленькой отбоя не было. Ленька оказался хорошим психологом и мог довольно быстро разобраться в проблемах, с которыми к ним с мамашей обращались. А проблемы-то все оказывались сходными: не сложившаяся личная жизнь, муж ушел к другой или пьет, ну и так далее – средняя судьба среднестатистической россиянки. К психотерапевтам наши люди ходить не приучены, в отличие от американцев, и им не верят, а вот к магу с колдуньей – так самое милое дело.

Ленька с Зойкой врачеванием и привораживанием по фото не занимались, но людям реально помогали – хотя бы словом, а это уже немало, тем более ведь со стороны проблема лучше понятна, это в своем глазу бревно не заметишь, а в чужом и соринка видна... От одной моей подруги ушел мужик, с которым она прожила четыре года, и подружка была готова или с собой покончить, или идти ту бабу убивать, за две недели на десять килограмм похудела (а на меня в случае ухода мужиков почему-то жор напал), не ела, не спала, месть замышляла. Я поняла, что надо принимать кардинальные меры, взяла красавицу за руку и привела к Зойке с Ленькой. Они ее внимательнейшим образом выслушали (вообще они с человеком говорили столько, сколько требовалось, а денег брали – кто сколько может дать, за что я опять же их обоих уважала), а

потом смогли убедить в том, что мужик-то был порочный и что у нее – совсем другая судьба. Мужик порочным не был (я сама знала его четыре года), но то, что моя подружка вышла от соседки совсем другим человеком, – факт. За какие-то полтора часа ее, можно сказать, вернули к жизни.

Не могу утверждать, помогают ли людям во всех этих широко рекламируемых в газетах салонах магии, я лично по газетной рекламе никуда не пойду, но вот если мне кто-то из моих подруг скажет, что им понравилось, им помогли, им стало легче (в любой сфере деятельности), отправлюсь. Самая лучшая реклама – сарафанное радио. Свекровь моя, Анна Ивановна, большую часть своей жизни прожившая в советские времена, так и остается с твердым убеждением, что рекламируют только то, что никому не нужно.

А к Зойке народ шел толпами, хотя она никаких объявлений в газеты не давала. Квартира у нее трехкомнатная (две смежные, одна изолированная), там они с Ленькой и принимают клиенток. Изолированная комната оборудована как что-то типа приемной для ожидающих своей очереди, в большой комнате Зойка с Ленькой и говорят с посетительницами, в ней же спит Зойка, а Ленька базируется в дальней, с лоджией, где также иногда ведет индивидуальный прием.

Его методы, кстати, несколько отличаются от мамашиных, по-моему так потому, что Ленька совершенствуется. Несколько месяцев назад Ленька стал использовать на сеансах какую-то лечебную музыку – но только тогда, когда Зойка не ведет прием, чтобы не мешать ей и ее клиенткам. Нашей бабушке, чья комната имеет общую стену с Ленькиной, эта музыка очень нравится: она под нее засыпает, а, проснувшись, говорит мне, что даже чувствует себя лучше. Я экспериментов таких не проводила, да и я, как правило, отсутствую, когда Ленька принимает клиенток.

Комнаты для проведения ритуалов у Зойки с Ленькой, конечно, соответствующим образом оборудованы – поскольку все должно быть так, как того хочет клиент (или ожидает увидеть). Черные шторы (окна у нас во всю стену), свечи в старинных подсвечниках (специально у какого-то антиквара приобрели – или изъяли насильственным способом, точно не знаю, так что врать не буду), постоянно курятся благовония (Ленька за ними в какой-то специализированный магазин в Москве раз в три месяца ездит), на круглом столе, за которым и сидят колдуны, лежат Зойкины карты (она гадает только на обычных), еще какая-то древняя книга (не знаю, где взяли) и на подставке стоит

череп. Про череп Ленька сказал, что на кладбище собственноручно выкопал. Вполне допускаю, зная Леньку и его генетику.

С Зойкой я вообще люблю поболтать, да и Анна Ивановна ее любит, мы частенько общаемся. Зойке нужна разрядка – устает она от такого количества посетительниц за день. И ведь поскольку она вникает в проблемы своих клиенток, душевные силы у нее уходят, ей самой отдохнуть надо, высказаться перед кем-то, а мы, соседки, для этого подходим великолепно, хотя бы из территориальных соображений – ехать никуда не надо и засидеться можно за полночь. Я вообще много раз поражалась, откуда в Зойке столько силы – по габаритам она раза в два, если не два с половиной, меньше меня: небольшого росточка, худая, с остреньким носиком, вот только коса у нее толстенная, ниже пояса.

Пока я намывалась в душе (в ванну сесть не могу: не помещаюсь, мне бы бассейн, как у бегемота в зоопарке), Анна Ивановна сходила за Зойкой, и они расположились на кухне. От ужина Зойка отказалась, я питалась в гордом одиночестве, а они с бабушкой пили чай.

– Ну как сегодня у тебя денек? – поинтересовалась я у соседки с набитым ртом.

– Народу много было, – усталым голосом сообщила Зойка. – Вымоталась. – Потом помолчала немного и посмотрела на нас с бабушкой: – Я, возможно, не в свое дело лезу, но, тетки (она нас так называет), скажите честно: что за дела у вас с китайцами? Вот, честно, не думала, что к вам какие-то узкоглазые телевизор привезут. Или это вы новый в китайской фирме купили? И они доставили? Чего вы тогда на отсутствие бабок плакались?

Анна Ивановна заулыбалась, я тоже растянула губы до ушей – возможно, заразилась от господина Лима, днем распивавшего чай с нами на этой же кухне. Вот еще поклонюсь Зойке – и точно стану Лим номер два.

– Откуда про телевизор вынюхала? – спросила я для начала. – Ты у нас что, теперь еще и ясновидящая? Взгляд сквозь стены проникает?

– Ой, надо бы наливочку открыть, – подала голос бабушка и на меня глянула. – Танечка, телевизор бы, ну чтоб хорошо работал... ну сама понимаешь...

Бабушка, несмотря на семьдесят один год, большая любительница наливочек, и если ее вовремя не остановить, может и буйнить начать. Случалось такое на моей памяти. Выпить для нее – дело святое, хотя частенько вспоминает белую горячку своего благоверного. А какую закусочку она готовит... В особенности под водочку... Черные грузочки, которые я в лесу собираю, а капуста, огурчики – маленькие, крепенькие... Ох, не могу: слюнки потекли, и выпить захотелось.

В общем, я кивнула, из-за стола выпрыгнула и к стенному шкафу, который у нас у входной двери, резвенько поскакала. Шкаф – самая удачная часть нашей квартиры, за все остальное проектировщиков надо бы за ноги вниз головой подвесить, в особенности если вспомнить еще сливную трубу (с крыши), которая проходит в квартире напротив, за их входной дверью. У них плесень над дверью постоянно, а осенью, пока отопление не дали, все двери открываются с большим трудом. В те периоды я радуюсь нашей «распашонке» – мы, слава богу, живем без трубы, хотя и без изолированных комнат. У нас, конечно, других «прелестей» предостаточно (чтоб проектировщикам десять раз икнулось), но все-таки, по моему, лучше, чем с трубой.

Наливочку бабушка у нас тоже сама готовит, ягодки черноплодной рябины и вишневые листики считает (она у нас всегда строго рецепту следует), и, как и все остальное, наливочка у нее получается – пальчики оближешь.

Мы выпили за телевизор, потом его для Зойки специально включили, сами в очередной раз поохали, восторгаясь многочисленными цветами (наш-то старый в основном одним красным казал – поэтому и назывался цветным). Эти самые многочисленные цвета продемонстрировал нам в одном из своих незабвенных клипов известный Филипп Зайкин (он же – рыбкин глазик и банькин тазик), вслед за которым мы насладились зрелищем серебристых роботов в водолазных очках, один из которых срывал с груди белую манишку и пытался натянуть на то место, где у Адама был фиговый листок, но она там почему-то не держалась. Поняв, что третий номер программы представляет собой адскую смесь аэробики с цыганочкой, а также убедившись в многообразии красок в «Панасонике» и патологических типов на Руси, мы телевизор выключили и вернулись в кухню.

Петьки дома еще не было, он опять где-то халтурил на пару с дружкой. А может, и не только халтурил, дело-то оно молодое. Главное – только б на здоровье. Я за то, чтобы он гулял побольше, лучше пусть по улице шляется, а не по Интернету своему. Вредно, говорят, столько перед компьютером сидеть. Я это сыну

постоянно повторяю, правда, особых результатов своего воспитания не вижу.

Но Зойку интересовали китайцы. Нам с бабушкой захотелось похвастать своими достижениями – ну мы и выдали соседке все события последних дней под наливочку, бутылку которой быстренько на троих приговорили. Да и что таким трем теткам, как мы, какие-то пол-литра сладенькой?

– А ты откуда про китайцев узнала? – спросила я у Зойки, закончив свой рассказ.

– Ленька видел, как они выгружались из машины внизу, он с ними в лифт не поместился, потом, когда поднялся, услышал, что они в вашей квартире шастают. Слышимость-то у нас сама знаешь какая. Чего тебе объяснять?

Я кивнула. Я часто радовалась, что у нас последний этаж. Лучше протечки, чем соседи-алкоголики сверху. Или соседи-плясуны. Или соседи с утками. С утками (вернее, индоутками) у нас на лестнице вообще хорошо. Первыми их завели на нашей площадке в двухкомнатной – там живут мама, папа и бабушка, ну и четыре утиные семьи (селезень плюс две утки – семья), три птицы постоянно сидят на яйцах, по квартире также шастают тридцать или сорок маленьких (в зависимости от того, сколько вывелось) и столько же подрожденных. На этих птичках наши производители купили дочери квартиру, а сыну – машину. Вначале соседи под ними все бегали ругаться, а мы с Зойкой удивлялись: неужели утки так громко топают? Потом подумали: если учитывать количество взрослых особей и утят... Да еще и то, что они купаются – у них там мини-бассейн оборудован... Но потом соседи снизу прониклись прибыльностью предприятия и тоже завели себе птичек, и теперь уже к ним стали бегать с седьмого этажа. Сейчас на седьмом уже живет одна утиная семья... А на шестом этаже имеет свою базу некое лицо кавказской национальности по кличке Ахмет, поставляющее в наш город фрукты со своего родного юга, так что он индоутиный бизнес воспринимает правильно и относится к нему положительно. Поэтому и говорю, что Задорнова надо приглашать – ну или в «Аншлаге» наш дом показывать.

– Зой, а тебя что, еще чем-то удивить можно? – вылупилась я на соседку. – Ты уже столько всего наслушалась. Были у нас китайцы. Ну и что? Может, я следующую кореянку подберу. Или японку. Или негритянку. Я же не знаю, кого у нас теперь из машин выкидывают. Может, снимет мужик по пьяни какую-то экзотическую телку, а потом очнется. Ты же знаешь, что наши за рулем всегда трезвеют? Коля-то, царствие ему небесное, всегда трезвел. Так, Анна Ивановна?

Бабушка кивнула и также в дополнение к сыну вспомнила и своего мужа, сказав, что усаживание в родные раздолбанные «Жигули» снимало у него приступ белой горячки гораздо лучше всех лекарств.

– Так, давай оставим твои следующие приключения, – с самым серьезным видом заявила Зойка. – У меня свое мнение насчет того, кого стоит, а кого не стоит на улице подбирать, но оно к делу не относится. Я о конкретной китаянке.

– Слушай, какое тебе до нее дело? – откровенно не понимала я. Что там Зойка надумала? Да, я принесла в дом девушку, потому что мне стало ее жаль, я сделала все от меня зависящее, чтобы ее спасти. Теперь ее забрал отец. Дальше что?

Но в этот момент я вспомнила, что видела испуг, промелькнувший в глазах Мей Лу... Чего она боялась? Но я об этом при всем желании не могла ее спросить – мы говорили на разных языках...

– Значит, так, – вздохнула Зойка и выдала нам с бабушкой информацию, от которой наши челюсти поползли вниз, долго на место не возвращались, а когда вернулись, бабушка заявила, что после такого обязательно надо принять водочки. Без крепкого напитка она на такие темы не то что говорить, а думать не может.

... В последнее время (где-то с полгода) к Зойке с Ленькой стали ходить клиентки с проблемами, не встречавшимися в ее практике раньше.

К ней обратилось пять человек, у которых куда-то исчезли дети от двенадцати до девятнадцати лет. Зойка за такие дела никогда не бралась, понимая всю нереальность поиска пропавших. Хотя, насколько ей было известно, одна «колдунья», оперирующая в Питере, имеет в своем штате (подпольном, естественно) бригаду мужиков из бывших и действующих ментов и военных, которые и занимаются поиском пропавших людей – то есть, в принципе, выполняют свои непосредственные обязанности и применяют на практике знания, полученные во время учебы в государственных учреждениях. Но раз народ перестал верить государственным службам и предпочитает искать пропавших людей через экстрасенсов – что ж, ментам приходится этим магам-колдунам отстегивать процент. Вернее, маг, получающий заказы, отстегивает процент действующим органам. Но все довольны, так как в результате на

карман получается больше, чем на государственной службе.

А потом у Зойки в квартире появилась ее постоянная клиентка, которой соседка просто не могла отказать. Маргарита то мужа привораживала, то сама от повышенной любви к зеленому змию лечилась, затем влюбилась в Зойкиного сына (или вбила это себе в голову), к которому тоже зачастила, но он ее отвадил, переадресовав матери, объясняя это тем, что такими проблемами, с которыми пришла клиентка, сам лично не занимается, но его мама может помочь. Маргарита просила Зойку и собственного сына колдуньи приворожить, но моя соседка отказала, заявив, что второго мужчину (Леньку) по прошествии такого маленького промежутка времени после первого (мужа) привораживать нельзя. Однако клиентка продолжала бегать к ним в салон, повторяя каждый раз Леньке, что она его любит, и заявляя, что готова все для него сделать.

На этот раз у Маргариты возникли проблемы с дочерью, с которыми клиентка не могла разобраться сама.

– Ей самой, похоже, ни с чем не разобраться, – по ходу дела заметила Зойка. – А я как все по полочкам разложу, так ей все понятно.

Дочь Риты никуда не пропадала, но вдруг очень изменилась: если раньше постоянно рвалась на улицу и до хрипоты ругалась с родителями, ее не пускавшими, то теперь корпела над учебниками, и ее просто было не вытащить из-за стола. В отсутствие дочери Рита сунула нос к ней в письменный стол и обнаружила там большое количество литературы по Китаю – истории, традициям, культуре. Именно ее и изучала в последнее время дочь с большим энтузиазмом.

– Я, тетки, когда Ритку послушала, – продолжала Зойка, – ей сказала: чего ты хочешь? То ты недовольна была, что Катька твоя с какими-то компаниями шляется, а теперь недовольна, что она дома книжки читает? Да плевать, что читает, главное: дома и чем-то занята.

Но Рита никак не могла успокоиться: это была как бы не ее Катя... Клиентка не могла четко объяснить Зойке, что именно ее взволновало. Но дочь изменилась. Она как бы зафиксировалась на какой-то идее.

Маргарита выяснила у дочери, откуда та берет книги, которыми увлеклась в последнее время: Катя раз в неделю ходила в один культурный центр в кружок и там и получала литературу.

Клиентка попросила Зойку поработать с дочерью. Желание клиента (тем более постоянного) – закон, и Зойка отправилась с Ритой к ней домой, чтобы лично познакомиться с Катей. Везти дочь к Зойке мать не хотела.

– Тетки, я когда эту Катю увидела... – соседка замолчала, видимо, пытаюсь четко сформулировать мысль. – В общем, нельзя было сказать, что она «ку-ку», но что-то в поведении, в глазах... Вот именно – зафиксированность. Мать правильно определила. Я тут же ее вены посмотрела (Рита меня врачом представила), но никаких следов уколов не нашла. Хотя что-то явно было не так.

Глядя на Катю и слушая Маргариту, Зойка почему-то вспомнила клиенток, рассказывавших об исчезновениях своих детей. Зойка ведь их все равно внимательно выслушивала, хоть и отказывала в помощи – моя соседка, надо отдать ей должное, всегда была честна и бралась за дело, только если реально могла помочь. Несчастливым родственникам она помогала лишь словом да тем, что давала выговориться, – и деньги за это не брала. Правда, руководствуясь каким-то шестым чувством, Зойка у них у всех записала телефоны.

Рите она сказала, что дома проведет некий магический ритуал, взяла Катину фотографию и обещала позвонить. Клиентка очередной бред проглотила – как раз его-то она и хотела услышать.

Вернувшись домой, Зойка обзвонила несостоявшихся клиенток и договорилась с каждой о встрече. Ни у одной ребенок не нашелся, так что они были готовы хвататься за любую соломинку. Зойка их всех еще раз внимательно выслушала и нашла один общий момент во всех рассказах: дети (подростки) ходили в кружок. Все остальное различалось: доходы и состав семьи, характер, привычки, школы или лицеи, даже был один студент. Вообще пропали две девушки и трое юношей.

Но о кружке пять клиенток отзывались положительно: радовались, что дети чем-то заняты, плюс занятия были бесплатными, в отличие от всех современных секций. Кем он финансировался, женщины не помнили – или не спрашивали у своих детей.

Китайскую культуру изучал один студент, девочка-школьница ходила учиться восточной кулинарии, еще одна мать сказала, что ее чадо занималось под руководством молодого китайца, двое не знали, где именно и чем именно.

- Как это матери могли не знать?! - воскликнула Анна Ивановна.

- Могли, - с мрачным видом сказала Зойка. - А потом очухались. Вспоминать стали. Но, тетки, их тоже понять можно... Они крутятся на двух, а то и на трех работах. Заняты дети чем-то - и слава богу.

Выслушав всех, Зойка пришла к выводу что кружок все-таки был не один и тот же, но тем не менее кружок - это единственное общее у пропавших подростков.

- А фиксация на идее, как у Кати? - уточнила я.

Девочка-«кулинарка» активно претворяла полученные знания в жизнь и кормила всю семью. Раньше за ней не замечалось особой страсти к прыжкам вокруг плиты. Студент корпел над книгами по Китаю, как дочь Маргариты. Еще про троих родственники сказали, что они стали «очень серьезными», что только радовало родителей. К сожалению, взглянуть на детей у Зойки уже возможности не было.

Все исчезли внезапно: в один прекрасный день не вернулись домой.

Зойка поняла, что должна немедленно что-то предпринять в плане Кати, дочери Маргариты. Поскольку она знала, что представляет собой ее постоянная клиентка, то настояла на том, чтобы Рита прислала к ней своего мужа. Господин Турчинский долго не желал ехать к колдунье, но после разговора с ней по телефону, во время которого она вкратце изложила ему суть проблемы, тут же примчался к Зойке. С ним она уже не играла роль при свечах и в мантии, а выдала все, что знает, а также рекомендовала незамедлительно показать девочку опытному психиатру или гипнологу, чтобы снять зависимость, если таковая сформировалась. Зойка считала, что она имеет место быть, только не могла определить, от чего именно. И вообще лучше перестраховаться, всегда думала соседка. Папа с ней полностью согласился.

Турчинский, как он ей потом сообщил, девочку свою взял за шкурку и лично отвез в элитную психушку, где ею занялись вплотную. Но произошла одна

странная вещь, вроде бы отношения к делу не имеющая: квартиру бизнесмена обокрали как раз в тот период, когда дочь находилась в клинике. Вынесли все ценное, а также книжки, которые читала Катя. У папы с мамой, тогда занимавшихся непосредственно лечением дочери, до книг руки еще не дошли, и они не придали значения их исчезновению, да и вообще поняли, что случилась пропажа, только после того, как на книги захотел взглянуть гипнолог, а Зойка, в свою очередь, решила показать их маме исчезнувшего студента, после которого книг тоже почему-то не осталось.

Турчинский тем временем приставил к дочери двух телохранителей и регулярно показывал ее психиатру. Правда, никто из врачей элитной психушки не смог точно сказать, что же сделали с девчонкой. И это что-то (или отсутствие подпитки чем-то неизвестным) давало время от времени то излишнюю возбудимость и нервозность, то депрессию, с которыми нанятые папой врачи продолжали усердно бороться.

- Наркотик? - выдала я первую пришедшую на ум мысль.

- Ты что, всех идиотами считаешь? - глянула на меня Зойка. - Об этом подумали в первую очередь - и врачи, и девахин папа, и я, сирота. Не знают наши врачи такого наркотика! Кстати, ей кровушку-то перекачали и очистили. Теперь знаешь какая техника есть? В особенности за бабки-то? И анализы взяли какие только могли. Не нашли ничего.

- Но ведь, насколько я понимаю, наркотик в крови не навсегда остается? - не унималась я.

- Ее папаня в клинику потащил, как раз когда она из своего кружка в очередной раз возвратилась. От меня приехал - и доченька с новым учебником с отрешенной физиономией в дом заходит. Ну папа ее хватить - и куда следует. И если этот наркотик через два часа полностью улетучивается - то разве может остаться такая зависимость? Ну или наши врачи чего-то недопоняли. Хотя папа нанял самых лучших. Он кстати - один из наших местных компьютерных королей.

Естественно, я спросила, проводил ли «король» свое расследование - пусть не хочет подключать официальные органы, но я бы лично, если бы с Петькой, не дай бог, тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо, что-то подобное случилось, кружок,

центр, или что это там, разнесла по кирпичику. Я себя знаю. Сын для меня – самое дорогое.

Папа, конечно, провел.

Он помчался в центр, где находился кружок (адрес у дочери вытянули под гипнозом), там его очень вежливо встретили, выслушали, пыл немного остудили, провели экскурсию по всему зданию, оказавшемуся «Китайским культурным центром», где, правда, наших людей работало гораздо больше, чем китайцев, а в конце заявили, что дорожат своей репутацией, а поэтому проведут свое расследование, чтобы доказать, что у них девочка занималась только изучением китайской культуры. Попросили фотографию девочки.

И в самом деле провели, как обещали.

Дней через десять домой к папе приехал какой-то молодой китаец и вручил видеокассету, еще раз извинился, много кланялся и предложил папе с дочерью посещать их центр для изучения культуры, языка и кухни – если такое желание возникнет в дальнейшем.

Китаец ушел, а папа вставил кассету в видеомэгнитофон, и они с мамой просмотрели видеозапись разговоров со свидетелями. Китайцы или наши люди ходили по различным наркоманским точкам и показывали Катину фотографию или мелким торговцам, или не совсем обкуренным товарищам. Бывало, что дозой расплачивались за информацию. Оказалось, что девчонка регулярно посещала одну квартирку сомнительной репутации. На кассете была заснята вся квартира с огромными ложами, показано месторасположение дома, где она находилась.

Папа с мамой прикинули, пропадали ли у них в последнее время деньги (до ограбления квартиры), решили, что если суммы были не крупными (по меркам папы – компьютерного короля), то они могли этого и не заметить. Значит, кто-то хотел снять слепок ключей дочери?

Возник только один вопрос: когда Катя успевала бывать в этом притоне, если в последнее время усиленно изучала дома китайскую культуру и ее было не выгнать на улицу? Отец помчался в гимназию, где выяснил, что раньше Катя частенько прогуливала занятия, о чем папе-благодетелю, жертвующему школе компьютеры, боялись сообщать, а в последнее время, наоборот, очень серьезно

взялась за учебу.

Турчинский не знал, что думать. Катя пребывала в депрессии, на его вопросы отказывалась отвечать, только иногда огрызалась фразой типа: ты лишил меня смысла жизни.

Гипнолог из элитной психушки пришел к весьма своеобразным выводам. Девочку в самом деле в свое время посадили на какой-то наркотик – скорее всего, она что-то нюхала, так как все вены оказались «чистыми». Подсела она недостаточно глубоко, так что, возможно, сама поняла, что ей надо как-то выходить из этого состояния – и она, к ее счастью, нашла другое увлечение: китайскую культуру. Например, некоторые алкоголики, бросив пить, начинают горстями есть всякие лекарства. Катя, перестав употреблять наркотик, слишком увлекалась новым предметом: отсюда и фиксированность на нем, и невозможность обнаружить наркотик в крови – девочка уже давно его не принимала.

– А сама Катя? – спросила я. – Она сама что-то сказала? Эти элитные психологи, гипнологи и кто там еще из нее хоть что-то вытянули? Ведь, насколько я понимаю, она должна была рассказать под гипнозом и про притон, и про то, что принимала?

Зойка криво усмехнулась, потом сообщила:

– Из нее ничего не вытянули. Ни-че-го!

– То есть?

Насколько поняла Зойка, знакомая с азами психотерапии и в редких случаях сама занимающаяся гипнотической практикой, Кате или заранее установили в голове барьер (более сильный гипнотизер, чем нанятый папой), или голову заранее очистили. Хотя кто мог предположить, что папа так рьяно возьмется за дело?

– В общем, можно сказать одно, – сделала вывод Зойка. – Работал высококлассный специалист. Вопрос: зачем? Зачем кому-то понадобилась именно Катя?

- Но если папа - компьютерный король, как ты говоришь... - протянула бабушка.

- У пяти других моих клиентов доходы не тянут и на сотую часть папиных.

- А ты уверена, что их дети ходили туда же, что и Катя Турчинская? - спросила я у Зойки.

- Похоже, что, во всяком случае, двое - точно туда.

Соседка назвала студента, читавшего примерно те же книги, что и Катя, и еще одного мальчика, который занимался под руководством молодого китайца.

- Совпадений многовато, - сказала Зойка.

- А, по-моему, так связь весьма туманная, - высказала свое мнение Анна Ивановна.

Я, честно, пока не знала, к чьему мнению присоединиться, и промолчала. Зойка же продолжала рассказывать про бизнесмена Турчинского.

С полученной от китайца кассетой он отправился в милицию, наконец решив подключить к делу официальные инстанции. Но немного опоздал: в предыдущую ночь поступила наводка как раз на ту квартиру, что была заснята на пленке. Возможно, истинные хозяева после интереса китайцев решили, что точка засвечена, и решили ее сдать, не поскупившись на столь щедрый подарок для органов.

Милиция взяла там только нескольких наркоманов, не годных даже для допроса нашими ментами.

У папы и в органах имелись свои люди. Он попросил их «прокачать» информацию по «Китайскому культурному центру». Оказалось, что он официально зарегистрирован, а занимающиеся там дети, подростки, молодые люди и, главное, их родители отзываются о нем только положительно. Более того, основную массу отзывов можно назвать даже хвалебными.

– Ну и прекрасно, – сказала бабушка. – Дети занимаются, причем бесплатно, если я тебя правильно поняла.

Зойка кивнула.

– А Кате они, возможно, только помогли – если от притона отвадили. Не понимаю, чего ты завелась?

– А ты понимаешь, Таня? – повернулась ко мне соседка.

Я вздохнула, съела бутерброд для усиления мыслительного процесса, потом заявила:

– Знаете, что меня смущает?

Анна Ивановна с соседкой внимательно слушали.

– Почему бесплатно? Кто такой филантроп? В наше время? Центр же этот не арабские шейхи содержат, а Китай, насколько мне известно, находится не на самой высокой ступени развития и по доходам населения здорово отстает от развитых стран.

– Кстати, Турчинский не выяснил, на чьи деньги он существует. Ну или мне забыл сказать, – вставила Зойка. – Извини, Таня, – добавила. – Продолжай.

– Предположим, его спонсирует какой-то китаец, если это «Китайский культурный центр».

Зойка кивнула, бабушка молча слушала.

– Им что, у себя в стране деньги некуда вкладывать? Зачем им их вкладывать в обучение наших подростков? Чему бы там ни было. Они беспокоятся о проблеме занятости детей у нас? О наших наркоманах? Значит, им это зачем-то нужно. Ну не верю я в филантропию, и все тут. Не верю!

– То же самое сказал и Турчинский, – сообщила Зойка. – И я, сирота, к вам двоим присоединяюсь.

Бабушка пожала плечами.

Я спросила, как Катя себя чувствует сейчас и чем занимается.

– То в депрессии, то вроде бы ничего. В гимназию ходит, а вечерами дома сидит под зорким родительским оком и никуда не стремится. Папа с мамой довольны. Верят и надеются, что депрессия пройдет.

– Турчинский еще что-то предпринимает?

– Что? – удивленно взглянула на меня Зойка. – Все, что было можно, он уже сделал. Главное: дочь больше никуда не ходит и выглядит лучше – это я уже от себя могу сказать. Турчинский дальше копать не станет. Ему не надо. А вот другим людям надо. В особенности тем, у кого дети пропали. И еще могут пропасть. Разбираться надо, тетки. Зло из этого центра треклятого идет, – уверенно заявила соседка. – Если бы с дочкой компьютерного короля единичный случай был, я бы поверила про притон. А так не верю. Ну не верю, и все. Эти узкоглазые что-то замыслили в нашем городе.

– Если замыслили – то понятно что, – вдруг высказала свое мнение Анна Ивановна.

Мы с Зойкой в два голоса уточнили, что именно ей понятно.

– Сажает на иглу. На неизвестной отечественной науке наркотик. Чтобы потом качать деньги. Ясно как божий день. Про секты всякие у нас по телевизору часто говорят. И в газетах пишут. Ну то есть раньше писали, пока мы их получали. Я помню, сама читала. Ставят в зависимость – а потом люди им несут последнее. И квартиры завещают, вместо того чтобы родственникам оставить. А всяким элитным клиникам и врачам я не верю. Там в основном деньги дерут, а лечить разучились.

– Но куда дети потом исчезают? – спросила мою свекровь Зойка. – Вы помните, что я говорила? Ко мне приходили родственники исчезнувших подростков. Если бы сажали на наркоту, то дети бы таскали что-то из дома, а ведь ничего не пропадало! Да и остальные-то семьи – не чета Турчинским. С ним-то – ясное дело. Смысл имело. И рисковать, и доченьку обхаживать. Но ведь таких пап –

единицы. И детки у них, как правило, под присмотром. Это у одной конкретной мамы голова отстрелена, она то по массажам, то по таким салонам, как у меня, бегают, а другие-то за детьми следят, да и Ритка, надо отдать ей должное, довольно быстро заметила, что с Катькой что-то не так. Но основная масса приходящих ко мне клиенток – не жены новых русских. Тетки, я повторяю: мне кажется, что всех этих детей обрабатывают для какой-то цели... Не знаю какой. Но черной, неблагородной, в общем, плохой.

Мы с Анной Ивановной переглянулись и глубоко задумались, потом я посмотрела в глаза соседке и уточнила, что она хочет от нас. Она нас просто в известность зашла поставить? Выговориться хотела? Камень с души снять, потому что людям в данном случае помочь сама не может? Или у Зойки есть какой-то конкретный план, в котором отведена роль и нам с бабулей?

– План есть, – признала Зойка. – Я, тетki, всегда за справедливость стояла. За народ. Эх, меня бы в президенты... Я бы такой порядок в стране навела... А то марзматиические мужики у власти уже надоели до чертиков. Посмотришь на эти рожи – то водой друг друга обливают, то папками друг в друга бросаются, а так один треп, вместо того чтобы дело делать. Эх, меня бы во власть! Но ладно, предвыборной агитацией я не увлекаюсь, так что займемся более насущными проблемами.

Зойка сказала, что намерена докопаться до сути проблемы. Это ее долг перед несостоявшимися клиентками. Соседка, кстати, им всем заявила, что, если ей что-то Высшие Силы подскажут, она им об этом обязательно сообщит.

– Ты предлагаешь нам взять на себя роль Высших Сил? – уточнила я.

Зойка кивнула. Она себя как раз видела если не в роли спасительницы всего человечества, то в роли спасительницы отдельных индивидуумов уж точно. Во мне, правда, такой же червяк живет – иначе стала бы я подбирать Мей Лу на газоне? – так что Зойкин план я выслушала с большим интересом, а бабушке ничего не оставалось, как подключиться к нашим бредовым идеям. Остаться в стороне она не могла и рада была развеять рутину своих будней с аргентино-бразильской любовью. У нас, похоже, сериал предстоял покруче.

– Пятьдесят процентов ваши, – сказала нам с бабушкой Зойка. – Представляете, как клиентки расщедрятся, если мы им их детей и родственников вернем? Вот

только бы этот ваш китаец позвонил, как обещал... Иначе все рухнет.

– Если этот китаец, конечно, имеет хоть какое-то отношение к центру. Почему ты решила, что он оттуда? – заметила я.

– У нас в городе узкоглазых не так много. Не этот, так через него на других выйдем. Наверное, они все тут друг друга знают, – твердо заявила соседка. – Главное – начать, а там как колобок все покатится.

– Только бы лисы в конце не оказалось, – подала голос Анна Ивановна, но глаза у свекрови уже горели огнем азарта. У меня тоже.

Глава 4

Зойка встала, собираясь домой. В этот момент в мою дверь позвонили. Я глянула на часы: бог ты мой! Уже начало второго! А Петька-то, оболтус, где шляется?

Я первой рванула в прихожую, в глазок глянула, увидела родное чадо, дверь распахнула, варезку разинула, чтобы выдать сынку по первое число, но в этот момент обратила внимание на соседа Васю, давящего на звонок в Зойкину квартиру.

Тут и сама хозяйка показалась у меня из-за спины. Бабушка, естественно, тоже нарисовалась и начала укорять Петю. Оказалось, что Анна Ивановна уже напилась корвалолу, заедая его валидолом (когда, хотелось бы мне узнать? Я что-то не заметила), потому что страшно переживала за внука. По улицам сейчас бандиты шастают, о чем в новостях постоянно вещают, предупреждая доверчивых граждан, чтобы проявляли бдительность. И сколько раз бабушка внуку говорила, что если ему своей жизни не жалко, то подумал бы о матери (то есть обо мне) и об Анне Ивановне, у которых вся душа исстрадалась, пока мы тут строили догадки насчет того, что могло приключиться с нашим сокровищем.

– Оба проходите, – пригласила я и сына, и Васю (раз Зойка все равно пока у меня), желая прервать лившийся из Анны Ивановны поток, а то она может зарядить надолго, как осенний мелкий дождичек. Тем более Петька сразу учует,

что от нас ото всех алкоголем за версту разит, да и бутылки под раковиной стоят. Поймет, какой корвалол мы с бабушкой пили.

Вася – сосед из четвертой квартиры на нашей лестничной площадке, расположенной прямо напротив нашей. У него трехкомнатная (две смежные, одна изолированная), но планировка отличается от Зойкиной, а количество проживающих жильцов значительно превышает все допустимые нормы: тесть с тещей, Вася с женой и сыном, Петькиным одноклассником, и сестра жены с двумя детьми четырнадцати и восьми лет. Сосед ваяет статейки для одного довольно популярного в нашем городе бульварного листка. Специализируется по инопланетянам, магам (тут Зойка у него в консультантах ходит) и всяким паранормальным явлениям. Почему-то, судя по Васиным статьям (написанным довольно занятно, надо заметить), выходит, что в нашем родном городе регулярно проводятся десанты из всяких тарелок и прочих летательных аппаратов, и инопланетяне почему-то для своих парковок обычно выбирают пустыри в нашем районе, которые Вася описывает детально (чувствуется знание дела – сосед там пиво пьет с друзьями, так как дома негде, а на местах высадки представителей внеземных цивилизаций все-таки какая-никакая, а природа) и таким образом поясняет постоянное наличие на пустырях всяких железяк, обломков и всего прочего, невывозимого многие годы. Вообще-то если на наши пустыри взглянуть, то создается впечатление, что у нас только что война кончилась – или в самом деле, что инопланетяне весь этот хлам там пораскидали, потому что происхождение ряда предметов ни один землянин объяснить не в состоянии. Правда, русский мужик может найти им применение.

У нас имеется и один облагороженный пустырь – за исполкомом, но его Вася почему-то в своих статьях не упоминает. А, по-моему, так для инопланетян место очень подошло бы: как раз бы сразу в налоговой инспекции, расположенной в том здании, зарегистрировались как частные предприниматели и занимались бы спокойно своими делами, внеся посильную лепту в бюджет нашего города – хотя бы в фонд облагораживания других пустырей.

Вася с Петькой прошли на мою шестиметровую кухню, мы с Зойкой и бабушкой последовали за ними. Разместились с большим трудом, но нам не привыкать, в особенности Васе с его опытом проживания в «муравейнике».

– Где шлялся? – спросила я сына, на всякий случай приносиваясь, правда, в кухне еще витали алкогольные пары от бабушкиной наливочки и ливизовской водочки, которые мы с тетками приговорили на троих.

– Вася, а ты чего меня искал? – подала голос Зойка.

Анна Ивановна уже опять хотела завести песню про переживания (ей вообще поговорить хотелось после принятия алкоголя внутрь), но я сурово на нее глянула и бабушка решила временно помолчать.

– Серега с Ромкой пропали, – с мрачным видом сообщил Вася, обводя нас всех взглядом. – Вот сейчас с вашим Петей и искали их.

– Мам, бабушка, я домой уже шел, когда дядю Васю встретил, – затараторил Петька. – Ну да, конечно, надо было домой заглянуть, вас предупредить. В следующий раз обязательно.

– А позвонить ты не мог? – я решила провести воспитательный процесс. У меня это иногда бывает.

– Ты что, не знаешь, что у нас в районе все автоматы по карточкам? Я ее чего рожу, что ли?

– Петя, как ты выражаешься! – суровым тоном воскликнула бабушка. – Где ты набрался...

– Анна Ивановна! Таня! – встрял Вася. – Ну не ругайте вы его! Я виноват! Я его с собой потащил! Я вообще не знаю какой был! Домой пришел – там бабы мои на меня насели. Иди ищи. Я пошел. Туда – сюда. Нет нигде. Рыскал тут по округе. Потом Петьку за грудки схватил. Ну мы и отправились в поход по их одноклассникам. Если хотите кого повоспитывать – меня воспитывайте, а ребенка не троньте.

Я бросила взгляд на чадушко, ростом, как, впрочем, и комплекцией превосходившее дядю Васю, улыбнулась, потрепала его по волосам и сказала, что он у меня молодец и все правильно сделал, что помогал дяде Васе. Только в следующий раз обязательно надо нас с бабушкой предупредить.

– Конечно, мама, – покорно пробубнил сынок. – В следующий раз обязательно.

У Петьки следующий раз – как у меня похудение с понедельника. Но яблоко от яблони, как говорится...

Зойка тем временем повторила свой вопрос, обращенный к Васе.

Вася хотел попросить ее погадать.

Мы все челюсти отвесили. Я, честно, не ожидала от соседа подобного, да и вообще мужики к Зойке крайне редко приходят, все тетки по большей части.

– Зоя, на душе у меня беспокойно, – признался Вася. – Куда делись – не представляю. А ты, говорят, ну, видишь, что ли... Зоя, я же в курсе, какие к тебе толпы народу ходят. Да сам про тебя сколько статей наваял... Зой, раскинь картишки, а? С пацанами все в порядке? Если напились где – ладно, завтра поддам хорошенько. Но...

После сегодняшних разговоров на моей кухне о китайцах и исчезновениях людей мы с Анной Ивановной и Зойкой переглянулись, потому что нам всем троим одинаковая мысль в голову ударила, затем ввели Васю с Петькой в курс наших кухонных бесед и задали Васе прямой вопрос: не замечал ли он в последнее время за сыном и племянником фиксации на изучении какого-то предмета, не входящего в школьную программу? И не посещали ли они какие-то бесплатные кружки?

Вася не замечал, но дома он бывает редко, в основном появляется к моменту отхода ко сну, чтобы с утра снова отбыть на службу. Проживание в двенадцатиметровой комнате с женой и шестнадцатилетним сыном, причем комнате, смежной с той, в которой живут тесть с тещей, творческому процессу не способствует, дома Вася, в отличие от ряда журналистов, работать не может, да и негде, и вообще он старается все время найти дополнительный заработок, потому что приходится кормить не только свою семью, но и помогать другим домочадцам. Более того – Вася свою журналистскую работу любит и с радостью мотается по городу, собирая материал на любимые темы.

– Честно признаю, дорогие соседки, что сыном занимаюсь мало, – вздохнул Вася. – Вижу его редко. Вот твой отец, Петя, пусть земля Николаю будет пухом, пока жив был, с тобой и то больше общался, чем я со своим. Как и все разведенные отцы, – добавил сосед с кислой улыбкой.

– Хочешь сказать, что, если бы мой сын не развелся, он бы с моим внуком не общался? – вперила руки в боки опьяневшая Анна Ивановна.

– Тихо! Тихо! – тут же успокоила я ее. – Исключения всегда бывают. Коля бы общался. Но давайте к делу. Вася, как ребята пропали? Что твои женщины говорят?

А женщины тоже не могли сказать ничего вразумительного. Серега с Ромкой просто вечером не пришли домой. В одиннадцать, когда вернулся Вася, его и отправили на поиски.

– Ой, так ты голоден, наверное?! – всплеснула руками я.

– Ну... – протянул Вася.

– Мам, я тоже есть хочу, – мяукнул сынок.

Я решила, что составлю компанию Петьке и соседу, а потом как-нибудь денек поголодаю. В следующий понедельник, например. В общем, мы еще раз поужинали, обсуждая случившееся.

После ужина решили, что Вася с Зойкой сейчас наведаются в ее квартиру (Ленька ночевал у очередной пассии из недавних клиенток, которую таким образом полностью вылечил от несчастной любви), она раскинет ему картишки, а мы с бабулей двинем к Васиным, чтобы и их ввести в курс дела насчет китайцев, расспросить про увлечения деток в последнее время, а также на всякий случай предложить провести ревизию записок и драгоценностей, имеющихся в доме. В случаях с Зойкиными клиентками ничего не пропадало. Мне очень хотелось, чтобы наши худшие предположения не сбылись. Петьке дано было задание слазать в Интернет и попытаться там найти какую-то информацию о китайском центре (если уж он официально зарегистрирован, то это вполне возможно).

В квартире напротив спали только восьмилетняя Аллочка, Васина племянница, и тесть, от беспокойства принявший на грудь излишек лекарства. Теща, жена и сестра Васиной жены металась по квартире, как львицы в клетке, заламывали руки, рвали на себе волосы, но никаких конструктивных действий не совершали.

Увидев их в таком состоянии, я полностью протрезвела, голова моя стала работать гораздо четче, и я поинтересовалась, звонили ли тетки в милицию.

– Какая милиция?! – завопила на меня Васина теща. – Таня, ты соображаешь, что говоришь?! Да Сереженька с Ромочкой, да они такие мальчики, да...

– Простите, Алла Леонидовна, – перебила я ее совершенно спокойным тоном, – мне, конечно, не хочется вас заранее расстраивать, но и самые лучшие мальчики могут, например, попасть под машину. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. Сами знаете, какой процент водителей у нас по вечерам в трезвом состоянии ездит. Ну или мало ли что. Вон тут вокруг нас стройки всякие. Мало ли залезли куда...

Лучше бы я стройку не упоминала... Мне опять начали вещать, что Сереженька с Ромочкой ни по каким стройкам ни в жизнь не полезут. И правила дорожного движения мальчики всегда соблюдают неукоснительно. Мамы с бабушкой регулярно проводят соответствующую работу. Как мне сообщили в дальнейшем, работу мамы и бабушка проводили по различным направлениям, а судя по вылитой на нас с Анной Ивановной информации, даже в излишнем количестве. От такого вполне могло возникнуть желание покинуть родной «муравейник». Вон Вася старается здесь пореже появляться. У его сына с племянником вполне могло появиться такое же желание, причем страстное и непреодолимое.

От дальнейшей «лекции» нас с Анной Ивановной спасли Вася с Зойкой, позвонившие в Васину квартиру.

– В казенном доме, – сообщил с порога Вася.

Его женщины опять забегали по всем комнатам большими кругами. Я лично удивлялась нервной системе восьмилетней Васиной племянницы: она спала и ни на что не реагировала. Или привыкла к таким истерикам родственниц? Васин тесть молодецки похрапывал на диване в проходной комнате. Заснул он, не раздеваясь, и дочери с женой даже не удосужились стащить с него брюки и рубашку, чем занялся Вася. Тесть в процессе раздевания не проснулся, только промычал что-то невразумительное.

У Зойки вполне естественно возникли такие же вопросы, как и у меня, – звонили ли в милицию, а также справились ли об увезенных «Скорой помощью». Женские

вопли на этот раз прервал Вася и принялся руководить, направляя родственниц осматривать места заначек, но те продолжали бурчать, рассказывая, какие у них хорошие мальчики. Сам он тем временем позвонил по справочным телефонам. По крайней мере, ни в морги, ни в больницы Сережка с Ромкой не поступали.

- Этот китайский центр тоже, конечно, не лучший вариант, но все-таки предпочтительнее, чем морг или больница, - заметил сосед.

- Чем морг - да, чем больница - не уверена, - высказала свое мнение Зойка. - Если там такие дела творятся.

- Какие? - хором спросили Васины родственницы.

- Вы, бабы, дуйте заначки проверять, - приказным тоном сказал сосед, не отвечая на поставленный вопрос, да и я ведь вроде бы только что теткам все рассказала. Или они не слушали, думая о своем, о девичьем? - Живо! - гаркнул Вася. - Вдруг в самом деле в бега подались? Решили страну посмотреть, путешественники хреновы.

А я подумала: какие все-таки дела там творятся? И творятся ли вообще? И там ли? У нас же нет доказательств, что все пропавшие подростки ходили в тот центр? И вдруг это простое совпадение? Зря людей обвинять не хотелось. Но, с другой стороны, дыма без огня не бывает...

Я кивнула. Васины родственницы наконец начали рыться в вещах, делая ревизию, периодически вопили, что нет то кофточки, то парного носка, правда, потом это все быстро находилось. Вася тем временем решил пошуровать в письменных столах, за которыми пацаны делают уроки. Хотя сейчас и майские праздники, детки за столами не сидят, но куда они еще могли спрятать книжки и брошюры, если все-таки стали приверженцами какого-то неизвестного нам пока учения? На книжечки хотелось взглянуть: никто из Зойкиных клиенток ведь с ними не ознакомился.

Мы с Зойкой и Анной Ивановной разместились на соседской кухне, Зойка закурила, уставившись в окно.

- Зой, - позвала я через некоторое время.

– Ну?

– Чего нагадала?

Соседка долго молчала, потом встретилась со мной взглядом. Анна Ивановна, примостившаяся рядом, затаила дыхание.

– Если честно, тетки, я тюрьму видела, – призналась Зойка. – А потом... Странно как-то получилось... Для них, для обоих причем, лучше, если они в тюрьме останутся, чем на свободу выйдут. И сейчас надо бы приложить усилия, чтобы они там остались.

– Ничего не понимаю, – заявила Анна Ивановна. – Мальчики вообще-то очень хорошие, вежливые, всегда здороваются...

– Мои тоже все вежливые, – хохотнула Зойка, вспоминая своих мужей, – и, между прочим, начитанные. В лагерных библиотеках. Русскую классику почище других учителей литературы знают, Леньку в свое время учили. У каждого моего лет по пятнадцать уже свободных было на самообразование. Очень хорошо оно идет за колючей проволокой.

Я тоже заметила, что мы не знаем, какой именно финт могли отмочить соседские пацаны. Да и в тихом омуте, как говорится... Про себя порадовалась, что Петька в Интернет из дома ходит.

Вскоре на кухне появился Вася, сообщивший, что ничего подозрительного в столах у сына и племянника не обнаружил. Вслед за Васей нарисовались его родственницы женского пола, заявившие, что все деньги и ценности остались на своих местах, а соседки провели ревизию имевшегося имущества, до которого руки сто лет не доходили.

– М-да, – изрек Вася, почесав затылок. – Наверное, у какого-то приятеля. Но тогда при чем здесь казенный дом? – и глянул на Зойку.

– Зоя ошиблась, – тут же встряла Васина теща. – Все ошибаются. Вася, обзвоника всех одноклассников. И Сережиных, и Ромочкиных.

- Три часа ночи! – гаркнул Вася. – Сдурели вы, что ли, бабы?!

По-моему, сосед уже склонялся к тому, чтобы лечь спать: у него завтра рабочий день никто не отменял, как и у нас с Зойкой. Детки не в ментовке, не в больнице, не в морге, доказательств вовлечения в секту нет, вещи в доме все целы – можно пока успокоиться.

- Ладно, мы пошли спать, – первой встала из-за стола я. – Утро вечера мудренее.

Анна Ивановна с Зойкой поднялись вслед за мной.

- Завтра проснутся и заявятся, – высказала свое мнение моя свекровь.

Зойка промолчала, а на лестничной площадке, уже когда за нами закрылась Васина дверь, пробурчала себе под нос:

- Попомните мое слово: в тюрьме они.

Честно говоря, я не знала, что думать.

Глава 5

Ознакомиться с информацией о китайском центре, выуженной сынком из Сети, я смогла, только хорошо выспавшись и плотно позавтракав. На страничке Интернета подробно рассказывалось о том, что там изучают, как проводятся занятия, кто их ведет, в какое время. Давались точные координаты. На первый взгляд все выглядело вполне пристойно. Меня даже заинтересовала китайская кухня. Не пойти ли мне ее осваивать?

Но так ли там все благопристойно на самом деле?

У меня не было оснований не верить Зойке. И у ее клиенток не имелось оснований врать ей. Тем более таких клиенток оказалось не одна и не две. Но и обвинять китайцев за глаза тоже не хотелось. Вполне возможно, что мы имеем

дело с двумя разными организациями. Одна – вполне приличный, даже интересный просветительский центр, другая – секта, преследующая непонятные нам цели. Но нельзя исключать, что вторая действует под крышей первой.

Господину Лиму, посетившему мою скромную обитель, я могу быть только благодарна. Когда бы я собралась купить огромный «Панасоник»? Да ни в жизнь! Ну если бы только деньги с неба свалились. Тут свалился телевизор.

Но чего испугалась или постоянно боялась Мей Лу? Я точно видела испуг в ее глазах. И за что ее жестоко пытали и изнасиловали? Почему издевались? А могла ли она бояться отца? Нет, это чушь – тогда она не стала бы ему звонить от меня. Враги Лима? Конкуренты? Вот эта версия казалась мне гораздо более правдоподобной.

Чего хочу я? Моя требующая активности натура жаждет во всем разобраться. Энергия из меня ключом бьет. Тайны я люблю. Да и рутину будней не прочь развеять. Более того, Зойка права. Что за беспредел у нас творится? Если какая-то секта привлекает подростков и молодых людей в свои ряды и они потом исчезают, с этим надо бороться. От наших депутатов и прочих болтунов, пролезших во власть, помощи не особо дождешься. Они вообще, по-моему, не очень представляют, что входит в круг их обязанностей, кроме личного обогащения. Если это в моих силах, я хочу помочь людям – матерям и отцам, которые сходят с ума после исчезновения ребенка. Представляю, что со мной было бы, если бы Петька... Сегодня вечером его обязательно накачаю. Хотя вчера он уже прослушал на кухне все, до чего мы договорились. И мальчик у меня очень не глуп, поймать его на крючок будет не так просто (я надеюсь). Вообще Петька – это главное. Ведь мы же не застрахованы, и его каким-то образом могут куда-то вовлечь! Глуп – не глуп, подготовлен – не подготовлен, а может попасть на крючок к каким-то негодьям. Так что деятельность всех подобных типов надо по возможности пресекать. И если я могу в этом помочь – почему бы и не поучаствовать в операции?

Да и Зойка обещала прибылью поделиться – если наше сыскное бюро сработает успешно. Если я получу от Зойки деньги (то есть мы с бабушкой и сыном), то надо будет обязательно купить новый холодильник. Или морозильник, как хочет Анна Ивановна. И микроволновую печь, как хочу я. Ну или ту японскую печку из рекламы, которую бабушка видела. Она, кстати, какого размера? Для нас ведь размер большую роль играет, с габаритами нашей кухни и прочих площадей «распашонки».

А Вася недавно рассказывал про унитазы с двойным сливом. У них в газете журналист есть, который в основном всякие сплетни про новых русских ваяет. Вот он и узнал, что сейчас последний писк – такие унитазы дома устанавливать, правда, малый слив подойдет, только если пописает кот, но никак не человек. У них в газете эти унитазы целый день обсуждали, а я как раз подумала, что мой полгода назад треснул, я его пластырем заклеила, а по верху – скотчем. Вот бы мне еще унитаз новый... Хотя бы с одним сливом...

Ладно, что-то я размечталась, на работу пора, бояровскую контору убирать, а вечером опять Зойку приглашу или сама к ней схожу, предложу действовать, людей разыскивать. А то унитаз с двойным сливом очень захотелось. Не из заначки же, оставленной на черный день, брать?

* * *

Стоило мне переступить порог, как бабушка с Петькой, на этот раз поджидавшим меня дома, затараторили в два горла. Новости, как часто на нашей лестничной площадке, оказались сногшибательными, правда, меня не сшибли, так как это довольно сложно из-за моих габаритов. Глянув на себя в зеркало, я даже отвернулась, подумала, что надо бы не ужинать, вспомнила, что опять забыла подняться пешком на свой девятый этаж, тяжело вздохнула и проследовала на кухню.

Там я получила всю информацию, со второго раза поданную моими родственниками вразумительно.

Вася ушел на работу рано, как и обычно, наказав своим женщинам ему звонить, как только оболтусы заявятся домой. Если его не окажется в отделе – звонить секретарю. Когда уже на работе Вася зашел к секретарше, чтобы предупредить ее о возможном звонке, с ней кокетничал один из их журналистов, специализирующийся на криминальных темах. Услышав про таинственное исчезновение Васиного сына и племянника, «криминалист» уточнил, звонил ли Вася в Центр временной изоляции несовершеннолетних нарушителей. Этот центр ни Васе, ни кому-то из нас в голову, естественно, не пришел, поскольку мы о нем даже не слышали, а у Васиного коллеги там имелись знакомые.

Вася, конечно, тут же попросил коллегу с ними связаться. Тот позвонил – и, пока слушал информацию от своего знакомого, лицо его на глазах менялось.

– Поехали, – сказал он, повесив трубку. – Звиздец.

Вася своих женщин беспокоить не стал, а сорвался с места на пару с коллегой.

Как выяснилось, вчера его сына Сережу и племянника Рому взяли на квартирной краже, поместили в камеру, во время первого допроса подростки рыдали, дорыдались до истерики, им даже пришлось вкалывать успокоительное.

Вчера сюжет о неудавшихся грабителях был показан в «Телеслужбе безопасности». Анна Ивановна, узнав об этом от Васи, тут же позвонила моей подруге Людке Бояровой и уточнила. Людка сюжет вспомнила, но она ведь знать не знала, что это мои соседи. И почему мне не пришло вчера в голову позвонить Людке, любительнице криминальных репортажей? Эх, задним умом мы все сильны.

Вскоре после сюжета в центре появились два отца, представили свои документы, подтверждающие, что они – родители проштрафившихся пацанов, и с милицей договорились, что возьмут парней на поруки. Более того, оба отца, назвавшиеся братьями, хотя они и не были особо похожи, представили справки о психической несостоятельности деток. Психическую несостоятельность и истерики милиционеры видели собственными глазами, так что сомнений в услышанном у них не возникло, тем более отцы довольно подробно описали симптомы, которые могли появиться у подростков после сильных переживаний и стресса. Это в семье наследственное, передается через поколение по мужской линии. Родителей бог миловал, а вот детки ведут себя, как в свое время их дедушка реагировал на любое излишнее возбуждение. Господа милиционеры же знают, что психические отклонения передаются по наследству? Нет, мальчики ни в коем случае не являются психически больными, просто им требуется вполне определенное отношение, отсутствие нервных стрессов, регулярный прием лекарств и все такое. Тогда все будет в порядке и никто даже не заподозрит, что с ними что-то не так. Также отцы сказали, что привезли с собой лекарства, которые мальчикам надо незамедлительно принять, и слезно умоляли отпустить их домой, а возможно, и в клинику, в любом случае они должны будут показать сыновей лечащим врачам. Фамилии врачей, адрес клиники, в которой мальчики наблюдались регулярно, были милиции предоставлены.

В общем, «отцы» говорили очень убедительно и толково, у милиции не возникло ни малейших сомнений в подделке документов, ими предъявленных, они подписали все бумаги, которые им предложили подписать, – и в результате сыновей им отдали. С ними они и покинули центр.

Услышав все это (а детали рассказали ему только благодаря личным журналистским связям его коллеги-криминалиста), Вася чуть в обморок не грохнулся. Потом вызвонил жену с фотографиями сына и племянника, которые с собой не захватил, милиция парней опознала. Васина жена в обморок грохнулась.

Вспомнив наши вчерашние разговоры, Вася поинтересовался у стражей правопорядка: не китайцы ли приезжали за его сыном и племянником. В первый момент у милиционеров появилась мысль, не съехала ли у Васи крыша (какие отцы-китайцы у наших ребят?), но потом его попросили пояснить, почему этот вопрос вообще возник. Вася пояснил. Милиция, которая уже была готова бороться за честь мундира (теперь подростков разыскивать надо, тут же совсем другое дело клеется!), за версию ухватилась, с коллегами созвонилась и стала проявлять активность. Более того, Васин коллега в случае успешно проведенного розыска обещал хвалебную статью с фотографиями героев. Про прокол обещал не писать ни слова.

– Где сейчас Вася? – посмотрела я на своих родственников.

– Напился, – сообщила Анна Ивановна. – Женщины его на валерьянку и корвалол налегают. В общем, там все никакие, – свекровь кивнула в сторону соседской квартиры. – А ведь Зойка права вчера была...

Я кивнула в задумчивости, намазывая маслом очередной бутерброд, потом глянула на сыночка и уточнила, не замечал ли он в последнее время за одноклассником и соседом каких-то странностей.

– Мам, ну ты же знаешь, что мы с ними не очень... – промычало мое сокровище. – Компьютер им не интересен, ну и вообще...

– Кто с Серегой в вашем классе дружит?

Петька назвал пару фамилий, но они мне ничего не говорили, потому что я знала только друзей сына, правда, уточнила, может ли Петька поговорить с этими ребятами и выяснить, чем в последнее время увлекался Сережа. Как я считала, Рома, племянник Васи, просто примкнул к старшему брату. Он, насколько я помнила, всегда за ним тянулся и глядел в рот.

Но куда они могли вляпаться? Попали в зависимость к каким-то уркам? Их посадили на наркотик (ведь какие-то лекарства пацанам дали прямо в милиции, и они их покорно проглотили), затем послали грабить квартиру, на случай прокола взрослые преступники имели страховочный вариант – загодя приготовленные документы и справки. И никакие китайцы тут ни при чем.

– Кстати, а как насчет упомянутых врачей и клиники? – вдруг ударила мне в голову мысль.

– Нету, – сообщил Петя. – Липа. Все липа. А сразу менты не проверили.

Анну Ивановну больше всего удивляло, что ни матери подростков, ни бабушка не заметили в них никаких перемен, а ведь они должны были быть!

– Да на них матери внимания не обращают! – рявкнула я. – Васькина жена с тещей все время лечатся от всех болезней одновременно, кроме психических, хотя как раз головушки-то им и надо бы проверить, Ромкина мать себе нового мужа ищет, объявления в газеты подает, с претендентами встречается. А дома они или сериалы смотрят, или ругаются. Когда им парнями заниматься? И вообще были ли перемены?

Потом, глянув на сынка, я сладким робким голосочком спросила, не слишком ли мало уделяю ему внимания. Петя засмеялся, сказал, что ни в какую секту не пойдет, потому что у него занятие есть – компьютер, а в секты идут те, у кого отсутствуют увлечения, идеал и смысл жизни.

– А у тебя какой смысл? – тут же заинтересовалась я. – И что там с идеалами?

Идеалом оказался Билл Гейтс, смыслом жизни – создание какой-нибудь немыслимой компьютерной программы. Сынок углубился в непонятные мне дебри, я для приличия кивала головой, как китайский божок, чтобы показать свою заинтересованность жизнью сокровища, а челюсти мои тем временем

работали в своем обычном режиме. Бабушка сидела с умным видом, подперев щеку рукой. Подозреваю, что понимала столько же, сколько и я, но, наверное, так же радовалась, какой у нас толковый мальчик растет.

Наконец Петя закончил изложение своих творческих планов, я ему, как гению, сунула в руку бутерброд для подпитки умственных способностей, сама еще один съела, так как мне тоже подпитка не помешает, и стала прикидывать наши дальнейшие планы.

Теперь следовало заниматься не пропажей неизвестных подростков и молодых людей, а хорошо знакомых мне соседей. Они-то куда делись? Может, просто заперты в какой-то квартире «отцами», которые собираются их эксплуатировать в дальнейшем?

– В общем, так, Петя, – глянула я на сына. – Отправляйся к своим одноклассникам, с которыми дружил Сережа. То есть дружит, тьфу ты, что это я в прошедшем времени? А я схожу к вашей классной руководительнице. Может, она чего заметила. Раз уж у Сережи мамаша с бабушкой не о том думают.

Но наши благие намерения были прерваны телефонным звонком.

Звонила Людка Боярова, только что смотревшая по телевизору криминальную хронику.

Сегодня ночью, а точнее, утром в разных частях города граждане обнаружили пять молодых китаянок. Все они были изнасилованы и подверглись пыткам. Трех нашли уже мертвыми, одна скончалась в больнице, пятая в настоящее время находится в реанимации. Всех, кому что-либо известно об этом деле, просили позвонить по указанным на экране телефонам.

– Ты что, хочешь, чтобы я звонила? – рявкнула я на Людку. – Мне ничего не известно.

«Кстати, а что бы было, если бы я еще одну китаянку подобрала?» – почему-то промелькнула мысль. И не начать ли мне вечерами прогуливаться по окрестностям? Кто бутылки собирает, кто – макулатуру, а я, как всегда, оригинальна.

Но мне стало как-то не по себе. Все-таки я влезла в какое-то совершенно непонятное дело.

Я глянула на сына и заявила, что одного к друзьям соседского Сереги не отпущу. Мало ли что. Вместе пойдем. Я решительно поднялась из-за стола, бросив полный тоски взгляд на оставшийся не съеденным кусок мягкой булочки.

Глава 6

Из территориальных соображений мы с Петей решили для начала зайти к его однокласснику, проживающему в нашем доме, только в первом подъезде.

Открыла мама, которую я знала визуально (ну, и она меня, естественно. Как она могла меня забыть, раз увидев?). Я представилась, она назвалась Мариной Петровной.

– А Кости нет, – сообщила его мама. – Они с Володей Корольковым и Сережей, соседом вашим, в кружок ходят два раза в неделю. Ты, Петя, разве не знаешь? И Сережин младший брат с ними ходит. А что стряслось-то?

Я сказала просто, что Сережа с братом пропали и никто не знает их местонахождения. В голове же моей проносились всякие нехорошие мысли.

Марина Петровна руками всплеснула, заохала, заохала, потом предложила подождать Костю – потому что другого выхода не видела. Я, откровенно признаться, тоже.

Исподволь я попыталась выяснить, что ей известно о «кружке», который посещает ее чадо. Чадо изучало китайскую культуру и подробно рассказывало маме о том, что вещали им на занятиях.

– Ой, я так рада, так рада, что Костенька не по улице шляется, а чем-то серьезным занят! И, главное, эти занятия – бесплатные. Раньше-то, вспомните, Татьяна Александровна, мы-то с вами когда росли, все же бесплатно было – и рисование с вышиванием, и спортивные секции. Я, помню, все время чем-то

занималась. Да и стыдно было ничем не заниматься. Просто стыдно. Но теперь они все по улицам шляются. Я-то, как и большинство других родителей, не могу платить за все эти секции, что рекламируют. Хватит того, что в школе сдирают неизвестно на что: то в фонд развития, то на ремонт, результатов которого никто не видел. Да что я вам рассказываю? Я помню, как вы на последнем родительском собрании выступали! Петя, а ты в какой-нибудь кружок ходишь?

– Я работаю, – пробурчал мой сынок, хотя мог заявить это с гордостью. Ну ничего, я ему дома сделаю вливание.

Костина мама удивленно взглянула на Петю, потом на меня.

– Да, работает, – кивнула я. – И я это приветствую. Молодец. Петя мне здорово помогает. Он же у нас – единственный мужчина в семье. И показывает себя мужчиной.

Костина мама как-то сразу стушевалась. Я поняла, что, наверное, допустила ошибку, так что опять переключилась на «кружок», который меня интересовал больше всего.

Главным отличием Костиной увлеченности китайской культурой было то, что мама была в курсе изучаемого материала и вполне сносно могла перечислить темы, которые сынок проходил на занятиях в центре. Или она больше интересовалась жизнью сына, чем мои соседи и Зойкины клиентки? Костя привык всем делиться с мамой? Или от этой мамы ничего не скроешь?

Судя по маминым восторженным рассказам о чадушке, она не могла бы не заметить отрешенности и фанатичной зафиксированности на чем-то. Я как раз ввернула вопросик на тему, не слишком ли он погружен в предмет. Но оказалось, что Костенька еще и отлично учится в школе – и погружен во все предметы сразу, потому что у мамы денег на репетиторов нет и не будет, так что Костеньке самому приходится все постигать доскональным образом, а кружок – это его хобби. Пусть лучше туда ходит, чем по улице шляется, опять повторила Марина Петровна, хотя я не уверена, что с такой мамой Костя смог бы шляться по улице.

Далее выяснилось, что мама фильтрует всех Костиных знакомых, а когда чадушко в прошлом году увлеклось девочкой из параллельного класса, мама тут

же нашла в ней тысячу и один недостаток и объяснила Костеньке, что девочка его недостойна. Да и вообще такие девицы сейчас... Мальчику надо быть очень осторожным, а Костенька – мальчик легко ранимый, воспитанный, культурный, с тонкой душой, ну и так далее, все в том же роде.

Петя наступил мне под столом на ногу. Я поняла, почему мой сын не дружит с Костей и одобренными его мамой одноклассниками. Не знаю, правда, входит ли мой в число одобренных, уточнять не стала. Правда, сохранила наилюбезнейшее выражение лица, заинтересованность разыгрывать не приходилось, так как меня культурный центр в самом деле занимал.

– А как записаться в тот кружок? – наконец вставила я вопрос.

– Ой, вам тоже захотелось, да, Татьяна Александровна? Правильно, правильно. Я думаю, вашему Пете эти занятия пойдут на пользу.

И Марина Петровна, не ответив мне, переключилась на бедного Петю, по-моему, с трудом сдерживавшегося, чтобы ей не нагрубить. Он от меня-то воспитательные речи не терпит, а уж от других... Но сынок понимал, что нужно потерпеть для пользы дела, тем более теперь уже я наступила ему на ногу и хорошенько придавила.

Петька у меня – парень сообразительный и раньше меня додумался снова вернуть Костину мамашу в нужное нам русло. Он прямо спросил, как Костя записался в кружок и как выяснить, какие вообще направления есть (хотя вроде бы он все выудил из Интернета, но зачем было сообщать об этом Марине Петровне?). Сынок добавил, что он бы лучше какими-нибудь восточными единоборствами занялся (я тоже считаю, что лучше спортом, чем чем-нибудь еще, а самооборона всегда кстати).

– Костеньку Сережа, ваш сосед, туда отвел, – как само собой разумеющееся сообщила Марина Петровна.

Потом она рассказала (шепотом, взяв с нас слово не говорить Костеньке), что сама съездила в центр (я наступила Пете на ногу), чтобы проверить, куда зачастил ее ребенок, там ей провели экскурсию, показали места занятий, выяснили, кто она, откуда, чем раньше увлекался мальчик.

– Очень культурные все, очень вежливые. Внимательные такие. И Костеньку моего хвалили! Он-то теперь в продвинутой группе занимается! Сережу не перевели пока и Володю тоже, – вздохнула мама с показной грустью. – Но Костенька-то очень много занимается. И я дома проверяю, как он усвоил материал. Может, ему потом с поступлением помогут? Пусть китайский язык учит. Да, это мысль... – задумчиво произнесла Марина Петровна. – Наверное, я на днях еще разок к преподавателям съезжу... Поговорю... Или спрошу совета, куда они рекомендуют потом Костеньке поступать.

Я вызвалась составить маме компанию в поездке в центр, чтобы тоже на него взглянуть.

– Поедьте, Татьяна Александровна. Я уверена, что вам понравится.

Мы договорились созвониться к концу недели.

Тут как раз вернулся Костенька. Весьма удивился, увидев нас с Петей. Когда мы и его спросили про Сережу с младшим братом, пожал плечами, как и мама, сообщив, что он сам в продвинутой группе, а мои соседи и одноклассник Вова Корольков остались в начальной. Занимаются они теперь в разных помещениях и с разными преподавателями, так что Костя даже не мог сказать, когда они появлялись в центре в последний раз.

– У вас разве не одновременно занятия? – удивилась Марина Петровна. – Я думала, Костя, что ты вместе с ними ходишь. А ты, оказывается, в одиночестве едешь по городу! Почему ты мне не сказал?! Я была уверена, что ты... а оказывается... Костя!

Чадушко попыталось убедить маму в том, что оно уже вышло из детсадовского возраста, правда у него ничего не получилось, Костя сбегал за корвалолом, напоил маму, хватаящуюся за сердце, а я, чтобы не терять времени зря (да и Костю было жалко), поинтересовалась:

– А можно взглянуть, по каким вы учебникам занимаетесь?

– Да, конечно, – кивнул одноклассник моего сына, с радостью переключаясь с мамы на меня. – Только это не совсем учебники. Нам начитывают лекции, а потом дают еще книги по теме занятий. Мы их сами изучаем для общего

развития. Вот что мне дали сегодня.

Костя раскрыл портфель, с которым ходил в кружок, и извлек оттуда две брошюры на русском языке. Одна рассказывала о китайских праздниках вообще, вторая – подробно о праздновании Нового года. Бегло пролистав их, я не заметила ничего странного. Обычная информационная литература. Кстати, весьма любопытная.

Сам Костя производил впечатление вполне нормального подростка (насколько можно с такой мамой), ни отрешенного взгляда, ни психоза, ни невроза я не заметила. Рассказывал он о кружке и некоем учителе Чжане увлеченно, мне стало ясно, что он туда ходит с большим удовольствием.

Петя опять наступил мне на ногу: пора было собираться. Нам тут делать нечего. На прощание уточнив адрес центра (который совпал с найденным Петей в Интернете), мы откланялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhukova-gladkova_mariya/koldovskie-strasti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)